

ЛАУРА
КАРДЕА

ОСКОЛКИ

СЕРЕБРА
И
ЛЪДА

18+

Young Adult. Немецкое магическое фэнтези

Лаура Кардеа

Осколки серебра и льда

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

Кардеа Л.

Осколки серебра и льда / Л. Кардеа — «Эксмо», 2020 — (Young Adult. Немецкое магическое фэнтези)

ISBN 978-5-04-160054-9

Между страной Аурум и миром фейри веками существует барьер, пересечь который под силу только магии принца зимы. Осколками льда он отравляет сердца людей ненавистью, уничтожая всё светлое, что в них есть. Чтобы защитить народ, правители Аурума раз в десять лет отправляют к принцу девушек, обладающих даром одним поцелуем убить любого. Но даже обладая такой силой, они никогда не возвращались домой. Верис – принцесса и первая красавица королевства. Однако вместе с короной ей досталось и страшное предназначение: теперь девушка должна в одиночку спасти свою страну. Она отправляется в мир фейри, чтобы погубить жестокого принца. Но что, если, несмотря на ледяное сердце, где-то глубоко в его душе ещё тлеет огонь?

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-160054-9

© Кардеа Л., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Крокусы и жертвоприношение	6
Мальвы и плен	12
Мох и пытки	16
Сирень и перемены	19
Васильки и подкуп	24
Ели и неудача	29
Гардения и таланты	33
Морозник и открытия	39
Лаванда и придворные	42
Гипсофилы и светский прием	47
Бузина и новые знакомства	50
Настурция и магия	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Лаура Кардеа

Осколки серебра и льда

© Комарова М., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Моим родителям, которые поддерживали меня на этом нелегком
пути*

Крокусы и жертвоприношение

Двадцать четвертое декабря

Верис

Утро нового дня, последнего перед праздником Йоль. Я просыпаюсь и поднимаю голову с подушки, набитой самыми мягкими перьями. Все, что я сейчас слышу, – тишина. Ничего удивительного в этом нет, потому что обычно рано утром до моей комнаты в высокой башне лишь изредка доносятся шорохи ивы. И все же тишина сегодня несколько иная, не как в другие дни. Впрочем, возможно, мне это только кажется. В конце концов, сегодня моя жизнь изменится навсегда.

Откидываю в сторону шелковое одеяло и надеваю свой утренний халат нежно-зеленого цвета, расшитый золотыми нитями. Наша придворная портниха постаралась на славу. В королевстве Аурум эти цвета символизируют плодородие и процветание. Я очень люблю их, и в то же время они мне уже порядком надоели. Завязываю халат и выглядываю из открытого окна. Мама и горничная были бы вне себя при виде этого... Даже не знаю, кто из них кричал бы громче. Я просто не хочу, чтобы стены ограничивали мне видимость, поэтому снова выглядываю.

Хотя утреннее солнце светит так ярко, что можно подумать, будто уже настала весна, в лицо мне дует прохладный ветерок, и на мгновение я закрываю глаза. Но даже с закрытыми глазами я все еще вижу картину, простиравшуюся передо мной секунду назад. Развевающиеся знамена с золотым жаворонком – символом нашего Аурума, террасы из песчаника, остроконечные двускатные крыши и внутренние дворики, где растут крокусы. Там я часто играла, когда была маленькой. Вдоль крепостной стены и горы, на которой возвышается крепость Золотая вышка, жмутся друг к другу маленькие фахверковые домики со старыми кирпичными крышами и балкончиками, украшенными ящиками с цветами. Дома стоят так близко, что трудно различить отдельные здания. Раньше мне очень хотелось иметь возможность свободно гулять по этим переулочкам – сегодня я отдала бы все, чтобы только каждый день видеть родной город из окна своей башни.

Дверь комнаты чуть скрипит, и я тут же отскакиваю от окна. Рука автоматически тянется к рукоятке кинжала, висящего у меня на бедре. Безопасность превыше всего – этому девочек в нашем королевстве учат с самого детства.

Вошла моя горничная Изобелла.

– Уже пора, принцесса Верис.

Обычно она не говорит со мной так официально. Обычно она распускает свои русые локоны, хотя девушки обязаны носить головной убор. И до сих пор одного моего разрешения было достаточно, чтобы гофмейстерина не наказала ее за вольность. Но сегодня, следуя правилам, она надела светло-зеленую косынку, как все наши служанки.

– Платье готово? – спрашиваю я, и голос предательски дрожит.

Появляется младшая горничная и кладет на мою кровать огромный сверток. Изобелла тут же подает ей знак уйти и подталкивает меня к туалетному столику, после чего быстро и ловко заплетает мне косу. Я смотрю на нее в зеркало и тщетно пытаюсь найти на ее лице привычную широкую улыбку, которая ярче сияния весеннего солнца. Возможно, я тоже буду так же широко улыбаться, когда выполню свое предназначение. Возможно, так. Если только останусь жива после испытания. Но нет, едва ли это случится. Вот почему так дрожит сейчас мой голос, а Изобелла сегодня не улыбается.

Ибо наше королевство вечной весны заключило соглашение с предводителем соседнего народа зимних фейри. Каждый год за день до Йоля мы приносим принцу зимы жертву – самую красивую девушку Аурума, которой только-только исполнилось двадцать лет. Если же мы нарушим договор, принц вторгнется в наши земли и поработит наш народ.

Мы уже знаем, насколько это может быть опасно для Аурума. Между нашими мирами пролегает волшебный барьер, и ничто не может к нам проникнуть: ни человек, ни фейри, ни животное. Но есть одно исключение – ледяные осколки, которые замораживают сердца, из-за чего человек начинает видеть только плохое. Даже в прекрасном королевстве весны глаза будут на каждом углу видеть только зло и ненависть.

Но вот выход, кажется, нашелся. Поцелуй Дафны. Ядовитый, как пурпурно-красный волчегодник, который растет у нас в Ауруме. Волчегодник также называют Дафной, в честь нимфы, которая, спасаясь от преследования Аполлона, превратилась в ядовитое растение. Этот ядовитый поцелуй – наш единственный шанс против принца зимы. Каждые десять лет в нашем королевстве рождается Проклятая. Любой, кто поцелует ее в губы, тут же умрет. Поэтому, едва ей исполняется двадцать лет, мы отправляем ее принцу зимы под видом нашей первой красавицы. К тому моменту от поцелуя каждой избранной уже кто-то погиб – первый, кто коснулся ее отравленных губ, – и все мы верим, что освободить нас может только она. Всего один поцелуй, большего не нужно – и мы свободны. Звучит все довольно просто. Только вот как подобраться к принцу настолько близко, чтобы поцеловать его? Всех девушек в Ауруме специально обучают искусству ближнего боя, чтобы у них имелся запасной вариант убийства принца: если не поцелуй, то верный кинжал. А если повезет, сразу оба средства. Только вот еще ни одна девушка не вернулась с победой. Ни одна не вернулась домой. Ни Проклятые, обладающие смертоносной магией, ни простые девушки, пытавшиеся одолеть противника кинжалом.

Вдруг что-то колет в затылок, и боль возвращает меня в реальность, отвлекая на миг от мрачных мыслей.

– Прости, пожалуйста, Верис, – Изобелла говорит жестче обычного. В руке у нее заколка, украшенная сухими мальвами. Ее пальцы мелко дрожат, как и мой голос до этого.

Осторожно касаюсь ее руки.

– Все в порядке.

Даже не взглянув на меня, она убирает последние пряди и завершает мою прическу, завязав волосы в узел. Как же часто мне хотелось взять ножницы и обрезать свои волосы. Нет, нельзя. Мои длинные толстые косы – одно из моих преимуществ, ведь они должны сделать меня желанной. К этому я готовилась всю жизнь: стать подарком для принца зимы, который – как уже все прекрасно знают – убьет меня, едва я переступлю границу его государства, и потом скормит мое мертвое тело своим собакам. Как бы хорошо я ни была натренирована, как бы привлекательно ни выглядела, смерть все равно неизбежна.

Изобелла открывает сверток, в котором лежит мое платье, а затем помогает мне одеться в наряд из органзы и шифона, расшитый мальвами и украшенный жемчугом. Самый неподходящий выбор для поездки в зимнее королевство, зато в самый раз для жертвоприношения принцу.

* * *

В полдень мы покидаем Золотую вышку в богато украшенной открытой карете. Меня сопровождают Изобелла и мои родители, правители весеннего королевства. Двое солдат едут впереди и позади нашей кареты, запряженной лошадьми моего отца. Их гривы завиты так же искусно, как и мои волосы. Когда выезжаем из ворот замка, мама сжимает мою руку. Я на миг задерживаю дыхание и не сразу решаюсь сжать ее руку в ответ. Сейчас она отправляет меня на верную смерть и никак не может этому помешать. Но это единственно верный выбор

для Аурума. И я понимаю, поэтому на одно короткое мгновение сжимаю ее руку, а потом так же быстро отпускаю. Мое внимание привлекают восторженные крики толпы. Страх я не показываю, потому что должна быть примером для моего народа.

– Благословенна будь наша спасительница! – кричат нам люди с улиц и маленьких балконов, кидая вслед крокусы. Пока карета летит по узеньким улочкам города, перед моими глазами проплывает целое море желтых цветов. На крутых поворотах я с трудом удерживаюсь, чтобы не соскользнуть со своего сиденья. Глубоко вдыхаю. Пахнет свежей выпечкой, сеном и лошадьми. Пахнет родиной. Этот сладковатый, нежный, цветочный аромат, которым я наслаждаюсь последний раз в жизни и очень хочу сберечь его в памяти. Уголком глаз вдруг становится горячо, и некоторое время я, не мигая, смотрю перед собой. Но затем заставляю себя принять беспечный вид, улыбаюсь и слабо машу рукой. Народ любит мою улыбку.

Мама не может сдержать слез, но в такой момент ее никто не посмеет за это осудить. Слеза медленно катится по ее румяной щеке мимо полных губ. Все говорят, что мы с мамой похожи, хотя мой отец тоже очень хорош собой. При других обстоятельствах я бы порадовалась и сочла это за комплимент, но моя красота вовсе не благословение, а проклятье. Удивительно, что маму в двадцать лет не отправили в зимнее королевство. Но мои дедушка и бабушка, которые тогда еще правили, вместе с членами совета: дворянами, торговцами, а также представителями крестьянского сословия и ремесленников – приняли решение не посылать туда первую красавицу. В тот год к принцу поехала Проклятая с отравленными губами.

– Да здравствует наша спасительница! – слышу я в последний раз. Мы минуем городские ворота, и теперь крики народа уже почти не слышны.

– Ехать будем до самого заката солнца, – вдруг объявляет отец, хотя мы все и так это знаем. Его лицо перекошено гневом, никогда прежде я не видела его таким свирепым. Сколько он уже пребывает в такой ярости? С тех пор, как семь лун назад на совете было объявлено, что следующей жертвой стану я?

Беру за руки Изабеллу. Сейчас, когда на меня не смотрит никто из посторонних, я могу позволить себе минутную слабость. Мы едем мимо широких пшеничных полей, через Солнечный лес, вдоль крокусовых полей и крестьянских дворики. После нескольких часов езды мы останавливаемся на одном из самых крупных крестьянских дворов, чтобы заночевать здесь. Хозяева вежливы и приветливы, но немногословны. Они угощают нас теплым козьим молоком, свежими лепешками и сладким ревеневым компотом. Заставляю себя выпить совсем чуть-чуть, хотя внутри все тут же становится липким. Но надеюсь, сахар придаст мне сил для завтрашнего дня.

Двадцать пятое декабря

Просыпаюсь от лязга металла. Кто-то с кем-то сражается. Моя рука тут же тянется к кинжалу, но Изабелла и один из рыцарей нашей гвардии уже готовы меня защитить, заслоняя от плохо различимых в темноте силуэтов. Успеваю заметить, как крестьянин, с обезумевшими глазами и хриплыми ругательствами, набрасывается на второго рыцаря, пока его жена пытается вырваться из хватки кучера.

– Что происходит? – практически выдыхаю я, в один момент окончательно проснувшись.

– Ледяной осколок. Мы точно не знаем, ранило ли их только сейчас или они уже были под его воздействием, когда мы приехали. Возможно, они специально дожидались ночи, чтобы разделаться с нами, – сухо отвечает Изабелла. Она говорит тихо, так, чтобы мои родители не слышали. Они всегда пытаются скрыть от меня страшную правду, не хотят, чтобы я видела людей, которых поразило осколками. Но Изабелла была и остается со мной честна во всех вопросах.

Крестьянке все же удается вырваться, и она бросается ко мне, жадно глядя на мое платье, расшитое мальвами. Она готова убить меня. Убить за платье. Сердце едва не выпрыгивает из груди, но прежде, чем я успеваю отскочить в сторону, на помощь приходит рыцарь. Затем оба наших стражника и кучер связывают крестьян и уводят. Их нельзя исцелить, потому что осколки застряли очень глубоко в их сердцах. Конечно, они не виноваты во всей этой брани, ненависти и жадности, но Ауруму не остается ничего другого, кроме как запереть их и держать под замком, чтобы не пострадали остальные. И сейчас я отправляюсь в зимнее королевство в том числе и ради них, чтобы положить всему этому конец.

Никому уже не до сна. Изобелла поправляет мои волосы и пытается разглядеть помявшееся платье. Мы снова закладываем карету и молча едем, пока, наконец, не наступает рассвет. Отец выбрал лучших лошадей, но чем ближе граница королевств, тем медленнее они движутся. Будто чувствуют, что нас ожидает. Мы въезжаем на поросший травой холм, за которым простирается холодный, ледяной пейзаж, а в отдалении тянутся лысые, островерхие горы, которые я не раз видела из окна башни Золотая вышка. Все совсем другое, такое непохожее на пейзажи нашего королевства. Я едва могу дышать от волнения. Карета останавливается, и в лицо бьет звеняще-холодный воздух, витающий в зимнем королевстве. Поразительный все-таки контраст между этой заснеженной пустошью перед нами и темными горами вдали, которые словно подпирают небесный свод. А перед этими горами лежит еловый лес, который мне предстоит пересечь. В одиночку.

Многие люди пытались использовать древнюю магию, чтобы удержать границу открытой, но безуспешно. Поэтому, как только я ступлю на территорию зимнего королевства, назад дороги уже не будет. Судорожно сглатываю. Но если ждать дольше, потом станет только сложнее собраться. Глубоко вдыхаю и поднимаюсь со своего места. Рыцари, отвлекшись, не отрывают взгляда от границы наших королевств, с одной стороны которой мягкая трава, а с другой – нетронутый снег. Я не прошу, чтобы они помогли мне спуститься со ступенек, и самостоятельно спрыгиваю на землю. Изобелла поспешно следует за мной, держа в руках теплую и плотную шубу. Это единственная шуба на все весеннее королевство, так как ее сшили специально для меня. Пока я надеваю ее, Изобелла протягивает мне маленький кожаный мешочек, который она заранее собрала для меня. В нем фляжка чистой родниковой воды, две тонкие лепешки и еще одна бутылочка с темно-коричневой жидкостью. Это яд, для того случая, если я вдруг окажусь в безвыходной ситуации и... Нет, не хочу об этом думать. Я трясую головой.

Мама поправляет шубу на моих плечах, и теперь по ее щекам катятся слезы, как и у меня. Она берет мое лицо в свои ладони.

– Что бы ни произошло, мы бесконечно тобой гордимся.

Отец кладет руку мне на плечо.

– Ты самая бесстрашная девочка в королевстве.

Я не отвечаю. Только быстро обнимаю их обоих, а затем Изобеллу. Больше мы никогда не увидимся. Гоню прочь грустные мысли и решительно вытираю глаза.

– Я вас не подведу, – тихо говорю я, хотя точно знаю, что через двенадцать лун все повторится и в королевство зимы отправят очередную девушку. И кто знает, может, ей повезет больше.

Потому что я не могу убивать поцелуем, как бы ни пыталась себе это внушать в последнее время. Я всего лишь принцесса, готовая умереть. Умереть, по сути, ни за что.

* * *

Медленно продвигаюсь вперед сквозь снег, тщетно заслоняясь от ветра. Я давно знала, что никто не может переступить границу, только жертва и только в праздник Йоль. Поэтому морально готовилась к тому, что идти через лес мне придется одной. Только вот даже не пред-

ставляла, каково это – пробираться в мороз по глубокому снегу на протяжении нескольких часов, то и дело проваливаясь в сугробы чуть ли не по пояс, так, что весь подол платья теперь насквозь мокрый. Зубы стучат от холода, а пальцев на ногах я уже почти не чувствую.

Все болит. И мне очень страшно. Внутренний голос кричит: «Беги домой! Развернись и беги, пока еще не поздно!» Надо было сбежать сразу же, как только меня выбрали жертвой.

Наконец я достигаю елового леса, одного из немногих этапов пути, о которых известно людям, и вскоре замечаю тропинку. Я надеялась, что ели хотя бы немного защитят меня от холода, но ветер продувает и их вечнозеленую хвою. Не знаю, чего ждать дальше. Меня кто-то заберет? И где замок самого принца? За лесом, на той стороне горы? Если честно, никогда не думала, что проживу так долго, поэтому даже не задумывалась об этом. Что ж, пока мне, похоже, ничего другого не остается, кроме как потихоньку идти вперед по этой тропе, борясь со встречным ледяным ветром и низко висящими ветвями. Икры просто горят, дыхание перехватывает, а глаза слезятся. Как же холодно... Как больно... И я совсем одна...

Уверена, что на кончике носа у меня уже висят сосульки. Возможно, что и уши я себе отморозила, потому совсем не чувствую их, даже когда трогаю их пальцами в толстых перчатках. Вот будет принцу подарочек! Просто счастье, если он сможет отличить меня от жутких лохматых существ, обитающих в его королевстве.

Тут я спотыкаюсь о толстую ветку, которую вообще-то должна была заметить, и падаю в снег. Мой крик разносится по лесу, и только теперь до меня доходит, как неестественно тихо здесь. Хруст снега под моим телом и собственные всхлипывания – единственное, что нарушает тишину. Минута. Час. Все во мне либо ооченено, либо безумно болит. Я не могу идти дальше. Не могу. И чем дольше я так лежу, закрыв лицо руками, тем тяжелее.

Поднимаю голову. Нет, так быть не должно. Я не могу умереть, даже не добравшись до замка. Какой позор для моей семьи, для моего народа! Недопустимо. Поэтому со стоном переворачиваюсь на четвереньки и заставляю себя встать.

Сквозь сумерки иду дальше. Сколько часов это уже продолжается? Разве мне не пора быть на месте? Но я до сих пор не вижу замка, так что, еле передвигая ноги, тащусь дальше. И дальше. И дальше. И дальше. Пока не теряюсь во времени и пространстве и уже не знаю, куда иду. Вытаскиваю фляжку из своего мешочка и пытаюсь открыть крышку, но пальцы то и дело соскальзывают, пока я зубами не стягиваю варежки. Господи, пальцы совсем синие! Снова пытаюсь отвинтить крышку, но в этот раз фляжка падает из рук и вода выплескивается на землю. От досады готова волком выть. Но за фляжкой не нагибаюсь. Потому что больше не смогу подняться, я это чувствую. Остается только одно. Идти дальше.

Я брожу между бесконечными и такими одинаковыми деревьями, с тоской вспоминая о родном королевстве, весне и тепле. И вдруг вижу перед собой монстра. Шестое чувство подсказывает мне, что это и есть принц зимы, лица которого я даже не знаю. Но потом все исчезает. Это просто мираж.

Я едва не врезаюсь в дерево и, тяжело дыша, так и замираю перед ним, прижав ладони к коре. Где вторая варежка? Прищуриваюсь. Где мои пальцы? Они исчезли, но потом я моргаю и они снова появляются. Кончики почти черные. Еще раз моргаю, и руки вдруг превращаются в когтистые лапы. Кровь закипает в жилах. Сначала я выдыхаю с облегчением, потому что мне больше не холодно. Но потом мне становится чересчур жарко. Медленно оседаю на землю, тщетно пытаюсь снять с себя проклятую шубу, но она, кажется, прилипла к коже. Уже даже кричать нет сил. И вместо того чтобы бороться, я решаю насладиться жарой. Пусть она не очень приятна, но в любом случае лучше холода.

Вдруг я слышу голоса. Совсем рядом. Они звучат, будто давно знакомая мелодия. Кто-то или что-то трогает меня, и мне это очень не нравится. Пытаюсь протестовать, но из горла вырывается только слабый, жалкий хрип. Успеваю заметить лишь пронзительные черные глаза, тонкие темные брови, красиво изогнутый нос на очень бледном лице, обрамленном самыми

светлыми волосами, между прядями которых торчат остроконечные уши, а потом проваливаясь в темноту.

Мальвы и плен

Двадцать пятое декабря

Неван

– Выглядит она, если честно, так себе, – замечает Роуэн, склоняясь над девушкой. Она совсем замерзла, и обморожения достаточно серьезные, но Роуэн в силах немного облегчить ее страдания. А в замке о ней уже позаботятся целители.

Мельком оглядываю девушку.

– Ты как мой подчиненный не должен так говорить о жертве. В любом случае она – мой подарок, – я даже не пытаюсь скрыть отвращения в голосе.

Ее пальцы совсем скрючились от мороза, и я невольно задаюсь вопросом, почему у нее только одна варежка. Но тут же прогоняю эти мысли. Должно быть, просто одна из людских причуд. Не хочу в это вникать. Но терпеть ее капризы я тоже не буду. Если она вообще очнется и будет в состоянии говорить.

Роуэн придерживает мою белую лошадь.

– Я ведь твой первый рыцарь и должен быть с тобой честен во всех вопросах, не так ли? Она красива, очень даже красива, но сейчас теплая ванна ей не помешает. – Он осторожно берет девушку на руки, из ее прически выбиваются золотисто-медовые локоны.

– Красива... По людским меркам, возможно. Но они все были такие.

Роуэн хмыкает.

– Почти все.

Да, были исключения. Люди не всегда присылали самую красивую девушку из своего королевства, несколько раз отправляя иных. А они могли представлять для меня реальную опасность. Никогда нельзя недооценивать поднесенные дары.

Девушка не подает никаких признаков жизни, пока Роуэн поднимает ее на лошадь. Ему явно не составляет труда удерживать ее вес, но пышная юбка ее нелепого платья значительно усложняет ему задачу. Да еще эти мальвы в ее волосах, из-за которых Роуэн громко чихает. Интересно, они специально выбрали цветы, которые для нас ядовиты?

Я уже снова в седле, пока Роуэн продолжает возиться с ее пышной юбкой.

– Да сорви уже это проклятое платье!

Роуэн бросает на меня быстрый взгляд, чтобы понять, насколько я серьезен, потому что это неосторожное замечание с моей стороны он сразу воспринял как приказ.

– Она бы замерзла еще до того, как мы смогли бы пересечь лес.

– Какая прекрасная перспектива, – бормочу я себе под нос, но все-таки дожидаюсь Роуэна. Девчонка нам нужна живой.

Верис

Резко просыпаюсь и обнаруживаю себя в камере. По крайней мере, я проснулась. И жива. Они не сожгли меня при первой же возможности на жертвенном алтаре. И не заморозили. Или что они там обычно делают.

Я присаживаюсь, но это движение вызывает у меня головокружение, и я хватаюсь за жесткую деревянную койку. Жесткое дерево царапает пальцы, но помогает прийти в себя. Глубоко дышу и благодаря затхлому запаху сразу понимаю, где нахожусь. В темнице глубоко под землей. А еще на мне сейчас нет ни шубы, ни теплых сапог. Они все забрали.

Окон нет, и я не могу определить, ночь сейчас или день. Встаю с койки и, спотыкаясь, босиком плетусь к решетчатой двери. Касаюсь металла, но тут же вскрикиваю и отдергиваю руки, так как прутья оказываются покрыты тончайшим слоем льда. На ладонях появляются красные рубцы, но я игнорирую жжение и прижимаю ладони к вискам. Что мне теперь делать? Я, конечно, знала, что принц не стал бы закатывать пир в честь моего прибытия. Но больше мне ничего не известно. Кто меня тут запер? Что это за место? И придет ли сюда кто-то когда-нибудь?

Отваживаюсь встать к прутьям так близко, что могу теперь рассмотреть коридор. Факелов нигде не видно, однако какой-то странный синеватый свет погружает все в жуткое сияние и преображает цвет моей кожи. Откуда же исходит этот свет?

В коридоре вдруг раздаются шаги. Как будто кто-то точно знает, что именно сейчас я пришла в себя. Тут же отбегаю к стене и ищу какое-нибудь оружие, которым я могла бы себя защитить, но ничего не нахожу.

Перед клеткой останавливается высокий молодой человек. Таких высоких людей я никогда не видела. Нет, он не человек. Бледная кожа и белоснежные волосы, спадающие на плечи, выдают в нем одного из зимних фейри. Он пристально разглядывает меня своими темными глазами. Черты его лица чересчур выделяются. Как будто скульптор, создававший прекрасную статую, вдруг специально решил утрировать все детали. Слишком острые скулы, слишком глубоко посаженные глаза, слишком красивые губы.

Отшатываюсь.

Он складывает вместе длинные пальцы.

– Я объясню, как мы поступим. Ты расскажешь мне, чему тебя учили. Обо всем, что у тебя на уме. И тогда, возможно, я тебя пощажу.

Едва только слышу этот бархатный и вежливый, но при этом резкий, как ледяные осколки, голос, я тут же понимаю, кто передо мной. Сам принц зимы. Хочу ответить, но мысли путаются, и я не знаю, что сказать. А с другими девушками он так же обращался? Кто-нибудь ему признавался, несмотря на все наши тренировки?

– Не захочешь сотрудничать, мы найдем способ... убедить тебя. – Он подходит ближе, и его степенные, неторопливые движения, кажется, разрезают воздух. – Все понятно?

Молча смотрю в его пустые глаза без зрачков. Вот он, передо мной. Принц, которого я должна убить.

Он щелкает языком.

– Понятно или нет?

Киваю, плотно сжав зубы. Он наклоняется ко мне, и его волосы соскальзывают по плечам вперед. Принц выглядит так, будто кто-то выбелил из него все краски.

– Итак?

– Понятно, – выдавливаю я. – Но ничего не скажу.

Неважно, насколько мал мой шанс выжить, но я не стану рассказывать ни о Проклятых, ни об избранных. Я свой народ не предаю.

Прошло несколько часов с момента ухода принца. И вдруг у моих ног неожиданно появляется кувшин с водой. Воздух при этом странно искрится и трещит. Это магия. Вода не очень свежая, но я делаю несколько жадных глотков, от которых горло обжигает холодом. Затем проходят несколько дней – или мне только кажется, что это дни, – когда никто не приходит. Моя бесконечная жажда заставляет меня часами смотреть на кувшин, но я тщательно экономлю остальную воду.

В какой-то момент мне начинает казаться, что принц и вовсе не приходил, а я просто сошла с ума, но в какой-то момент появляется мужчина. Сначала я принимаю его за принца, потому что у него такие же белые волосы. А приглядевшись, понимаю, что ростом он все-таки

немного ниже, хотя и выше любого нормального человека. Довольно мускулистый и широкоплечий, отчего кажется, что белая рубашка вот-вот на нем лопнет. Хотя внешне он выглядит таким же бесцветным, но при этом почему-то кажется мне более человечным.

– Я ничего не скажу. Все равно, что вы будете делать, – по крайней мере, сейчас я сразу нашлась, что сказать. Не то что тогда, с принцем. И тут замечаю, что через плечо у него перекинут мой кожаный мешочек.

Он перехватывает мой взгляд и скрещивает руки на груди.

– Так вот чему вас, девчонок, учат. Как обращаться с кинжалами, с ядами. – На лице проскальзывает коварная ухмылка. – И как противостоять пыткам.

Судорожно сглатываю. Они знают? Но как? Ведь программа наших тренировок держится в строжайшей тайне. Первый урок, он же самый важный – ни слова об этом. Ни единого словечка. Как же они это узнали? Что сделали с девочками до меня, чтобы это выпытать? Отвожу взгляд.

– У меня все это не очень хорошо получается, – бормочу я. Если буду отрицать все, что они уже и так знают, мне же будет хуже.

Скрежещет металл. Это фейри открывает дверь клетки.

– До тебя они все говорили точно так же. – И он продолжает писклявым голосом: – Я всего лишь слабая девушка. Я не представляю никакой опасности. Пожалуйста, прошу вас, не делайте мне больно.

Внезапно мелькает шальная мысль: быстро выбежать из клетки мимо него. Нет, глупо. Я даже не знаю, что там в конце коридора. Да и мне наверняка не удастся пробежать больше десяти шагов.

– Но тем не менее все твои предшественницы – кто-то раньше, кто-то чуть позже – пытались ударить принца в спину кинжалом. Или подмешивали яд в еду, – с этими словами он вытаскивает из кожаного мешочка пузырек с ядом и бросает его мне. Ловлю, но он тут же выскальзывает из моих пальцев и, звеня, катится по полу. Быстро опускаюсь на колени и успеваю схватить пузырек, прежде чем фейри мог бы успеть раздавить его своим каблуком.

– Да оставь себе. Нам этот яд все равно ничего не сделает. – Он разглядывает меня, забавляясь, как будто точно знает, что я бы никогда не стала использовать яд для себя. – Точно так же, как и твой жалкий кинжал, – тут он кивает на мою ногу.

Рукой автоматически тянусь к бедру и нащупываю оружие. Да, кинжал на месте. Даже под тканью одежды я чувствую его жесткие контуры. Фейри даже не пытались его у меня изъять. Но уши горят от гнева и стыда, едва только я начинаю думать о том, как именно они его обнаружили.

– Но раз я для вас не опасна, почему тогда вы заперли меня?

Намного больше мне хочется спросить, почему меня в ближайшее полнолуние не принесли в жертву на кровавом алтаре, но не стоит подкидывать им идею.

– Потому что нам нужна информация. И ты расскажешь, почему среди вас периодически появляются какие-то не похожие на других девушки и какую именно опасность они могут представлять для принца. – Он подходит так близко ко мне, что я теперь оказываюсь в его тени.

Итак, они разгадали нашу небольшую хитрость, начали что-то подозревать, но тем не менее ничего не знают о поцелуе Дафны. Значит, я должна постараться сохранить в тайне хотя бы это, чтобы у следующей Проклятой был шанс.

Отрицательно качаю головой:

– Я всего лишь сакра. Не Проклятая.

– Проклятая? – Его губы немного кривятся. – Значит, так вы их называете?

Сердце пропускает удар из-за собственного промаха.

– Потому что это самое настоящее проклятье – с самого детства знать, что в определенный момент тебя отправят сюда, – поспешно добавляю я в попытке спасти ситуацию. – Но я не знаю, что у них за силы и откуда они берутся.

Он вдруг резко хватает меня за плечи и поднимает над полом. А потом и вовсе прижимает меня к стене, так, что перехватывает дыхание. Его глаза без зрачков, только не черные, как у принца, а синие, сверлят меня насквозь.

– Это мы тоже уже слышали. Попадались настолько невзрачные девчонки, что мы только удивлялись, как их вообще могли выбрать. Значит, Проклятые? Хотя среди них тоже были довольно миловидные, так что и не угадаешь. Откуда нам знать, что ты тоже не из Проклятых? – Он опускает меня на пол. – У тебя еще день. Этого должно хватить, чтобы ты хорошенько подумала, что мне расскажешь.

– Мне нечего сказать. Я ничего не знаю.

Он вдруг толкает ногой кувшин, и вода расплескивается.

– Посмотрим, что принесет завтра.

Следующие несколько часов я провожу в камере, то забываясь беспокойным сном, то блуждая из угла в угол, подобно дикому животному вроде тех, что когда-то дарил мне отец. Они тоже бродили по своим клеткам по одной и той же траектории. Очень хочется пить. И только мысли помогают мне отвлечься от жажды.

В коридоре раздаются шаги, и у решетки снова появляется феяри. Про себя я радуюсь, что это не принц, хотя его посланник и не проявляет ко мне никакого сочувствия.

Некоторое время мы молча смотрим друг на друга. И вдруг он протягивает мне мою фляжку, пухлую от воды. Недоверчиво взвешиваю ее в руках и, дрожащими пальцами открутив крышку, запрокидываю фляжку так высоко, что вода стекает по подбородку. Но после трех глотков я давлюсь и отбрасываю фляжку в сторону.

Вода соленая. Сколько бы я ни вытирала рот, сколько бы ни плевалась и ни кашляла, бесполезно. Вкус не пропадает. Как будто кто-то держит меня в море под водой.

Краем глаза замечаю, как ухмыляется феяри.

– Поговорим с тобой завтра.

Меня еще дважды стошнило после ухода феяри. На полу – лужицы мутной соленой воды вперемешку с желчью. Жажда, кажется, усилилась во сто крат от понимания такого коварства.

Беспокойно ворочаюсь на неудобной деревянной кровати, но пересохшее горло не дает мне уснуть. Внезапно ловлю себя на мысли, что я не чувствую голода. Дурной знак. Поглядываю на фляжку, что так и лежит в углу. Там наверняка еще есть несколько капель на доньшке. Понимаю, что каждый глоток соленой воды может стать для меня смертельным, но не могу не поддаться искушению. Мне надо попить, я просто не могу думать ни о чем другом!

Нет, нельзя. Собираю в кулак остатки силы воли, беру фляжку и выливаю воду на пол. И жду.

Мох и пытки

Тридцатое декабря

Неван

Роуэн преклоняет передо мной колени.

– Она упряма.

– То есть так и не заговорила? – Внимательно рассматриваю шов перчатки, пытаюсь сдерживать свое недовольство. А я-то считал Роуэна профессионалом. И он так меня разочаровал.

– Но сегодня она все скажет. Сегодня она за глоток воды даже с гоблином в озере станцует. Голышом.

Тихо фыркаю. Да уж, больше никто из придворных не в состоянии меня рассмешить. Роуэн – единственный, кого я терплю на протяжении достаточно долгого времени.

– Ваше Высочество, не желаете ли, чтобы я отнесла пленнице еду?

Мы с Роуэном одновременно поворачиваем головы. Конечно, этот раздражающе-смиренный голос мог принадлежать только Сиф. И вид у нее, как всегда, жалкий. Ненавижу эту ее покорность, как она тихо и незаметно, будто мышь, старается пробежать по коридорам, при этом всегда готовая выполнить любую мою прихоть, надеясь быть хоть чем-то полезной. Кроме того, сейчас она мне помешала. А я ненавижу, когда мне мешают.

– Я тебя звал? – жестко спрашиваю я.

Сиф тушует, склоняет голову еще ниже, так что ее платиново-белые волосы касаются пола.

– Нет, Ваше Высочество, но я...

Я медленно поднимаюсь с трона, и Роуэн поспешно отходит в сторону.

– А я отдавал распоряжение носить пленнице еду? – изо всех сил стараюсь оставаться спокойным.

– Да, вы говорили отнести ей через несколько дней хлеб и...

– В том случае, если она заговорит, – теряю я самообладание. Краем глаза замечаю, что Роуэну явно не по себе. Обычно ему удается скрывать свои мысли и эмоции от других фейри. Но в этот раз он забыл или не успел выставить ментальный барьер.

Сиф сжимается так, что становится похожа на маленького ребенка.

– Но я думала...

– О нет. Ты не думала. Если бы ты думала, то не перебивала бы меня и не появлялась здесь без моего вызова. И уж точно не выдумывала бы ничего лишнего.

Взгляд мой падает на ее светлые волосы, за которыми она всегда так тщательно следит. Может, она думает, что это ее преимущество, способное перекрыть все ее промахи, неуклюжесть и несовершенство?

– Волосы состричь, – командую я Роуэну. – Может, теперь научится использовать свою голову не только для причесок.

Первый рыцарь тут же приводит приговор в исполнение. Наверное, боится, что в случае неповиновения я отрежу ему одну из его любимых частей тела. Он вытаскивает меч и свободной рукой собирает волосы Сиф. Она едва успевает пикнуть, как он проводит лезвием в опасной близости к коже ее головы, едва не срезая ей скальп. И вот волосы падают на пол.

– Если уж так хочешь послужить человеческой девчонке, свяжи ей варезки из своих волос. В последний раз, когда я ее видел, она очень мерзла.

Я отворачиваюсь от Сиф, которая, едва сдерживая рыдания, собирает свои волосы с пола. Надеюсь, ей хватит ума не оставить ни одной пряди.

Верис

До моей камеры доносится мелодичный свист. Каждую минуту я использую, чтобы собраться с силами для воплощения моего плана. Но, когда веселая мелодия раздается совсем рядом, я вскакиваю на ноги, прогоняя с лица боль, страх и неуверенность.

Как только фейри – к счастью, не принц – подходит к решетке и видит меня, то перестает насвистывать.

Стою посреди клетки с вытянутой спиной и смотрю на него. Меня слегка качает, но по его взгляду понимаю, что моя стойкость внушает ему уважение. Это придает сил.

– Я не из касты Проклятых. Никаких способностей у меня нет. – Руки дрожат, а его взгляд скользит по моим обмороженным, пока не зажившим пальцам. – В боевых искусствах или приготовлении ядов я в лучшем случае посредственна, поэтому не представляю для вас никакой опасности. Так что, если вы планируете убить меня, сделайте это сейчас.

Он только присвистывает.

– Бьерна-а-ах.

Молча сужаю глаза.

– Бьернах значит, что ты гордая дама. Чересчур гордая. Чересчур заносчивая, если спросишь меня.

Прикладываю руку к груди, где мое некогда красивое платье сейчас украшают пятна.

– У этой бьернах, между прочим, есть имя. И титул, если для вас, фейри, это хоть что-то значит.

– И как же оно звучит?

– Верис Арбор, принцесса башни Золотая вышка в кор... – не успеваю закончить, так как фейри неожиданно фыркает. Возможно, потому что он знает, что означает мое имя. Весна. Так клишированно. Сама порой удивляюсь, как это пришло родителям в голову. Могли бы назвать меня, например, в честь весеннего цветка. И вот теперь мое имя стало еще одним поводом для его насмешек.

– Пить хочешь, Верис?

Сухожилия у меня на шее просто горят, потому что я изо всех сил стараюсь не кивнуть.

– Хватит мне докучать. Глупо пытаться невиновную ради того, чтобы она созналась в поступках, которых не совершала. Или рассказала то, о чем ничего не знает.

– Прекрасно. Тогда ты сгниешь здесь, внизу, – и он поворачивается ко мне спиной.

Проходит лишь три удара сердца, и я сдаюсь.

– Пожалуйста, – жалобно зову я и ненавижу саму себя. – Дайте хотя бы немного воды. И одеяло, если вы хотя бы наполовину так же великодушны, как и могущественны.

Он оборачивается ко мне. По его глазам видно, какой жалкой он меня считает, раз я так быстро забыла о своей гордости и начала унижаться. Он поднимает руку.

– Будет тебе вода.

С открытым ртом наблюдаю, как стены подвала покрываются слоем льда. Это он сделал! Затем он покидает подвал. Пол тоже начинает леденеть, и я спешу на свою кровать, пока пятки не примерзли. Замерзший мох на полу трещит и ломается под моими шагами, а стопы краснеют.

Стараюсь не терять мужества. Молюсь, чтобы и кровать не заледенела, хотя вряд ли молитвы тут помогут. Кажется, даже воздух застыл от холода. Жжение и зуд в пальцах на ногах все усиливаются. Из синих они медленно становятся темно-фиолетовыми. Каждое движение заставляет меня шипеть от боли. Я сжимаю зубы, потому что не хочу поддаваться слабости. Я

должна быть сильной. Но зубы стучат так сильно, что я уже не могу сдерживаться и раздражаюсь слезами. Пытаюсь остановить их. Напрасно.

Тридцать первое декабря

Неван

– Сегодня она точно заговорит, Ваше Высочество, – объявляет Роуэн.

– Ты вчера то же самое говорил, – цежу я сквозь зубы.

Впрочем, мне уже все равно. Она давно должна была сломаться. Возможно, она просто очаровала Роуэна, и он смягчился к ней. Женщине достаточно броситься ему на шею, и вот он уже в ее власти. Его слишком легко окрутить. В любом случае я не намерен ждать дольше.

– Раз она наконец готова говорить, выслушаем ее. Все остальное мне неважно.

Спускаемся в подвал по винтовой лестнице, я первый, Роуэн за мной. Он что-то мне говорит, но я не слушаю его нытье. У него была возможность выговориться.

Девочка лежит в углу, сжавшись в комочек. Я даже не сразу смог разглядеть ее и решил было, что она сбежала. Руки и ноги у нее посинели, а от платья остались только грязные жалкие лохмотья.

– Ты должен был заставить ее говорить, а не убивать. – Ярость так и бурлит во мне. Впереди еще один год, в течение которого я снова не получу нужной информации.

Роуэн быстро открывает клетку и склоняется над ней.

– Она еще дышит.

Девчонка вдруг резко открывает глаза. Должно быть, почувствовала опасность и решила бороться до последнего, потому что в ее янтарных глазах загорается безумный нездоровый блеск.

– Я не Проклятая. И особых сил у меня нет. Пожалуйста! – Она пытается сопротивляться хватке Роуэна, хотя не смогла бы ничего против него сделать, даже не будь сейчас так истощена. И тут ее взгляд встречается с моим. – Мне правда не в чем сознаться.

Ее веки дрожат, затем из горла вырывается странный хрип, и она теряет сознание.

– Думаю, она говорит правду, – медленно говорит Роуэн. – Она ни разу не пыталась сбежать или бороться. Ей даже не пришло в голову использовать против нас мальву, которой были украшены ее заколки. Я чувствую, что от нее не исходит никакой опасности.

Я подхожу ближе.

– Конечно, ты этого не чувствуешь. Она же полумертвая.

– Но когда она еще была в нормальном состоянии, я тоже не чувствовал, что она опасна. Или у вас было по-другому?

Снова оглядываю девушку. Тут Роуэн прав. От нее пахло иначе. По запаху, исходящему от других пленниц, можно было понять, что у них на уме. От тех, кого посылали с оружием, пахло металлом. От тех, кто пытался меня отравить, исходила горечь. От искустельниц пахло чем-то приторно-сладким и липким.

– Она всего лишь изнеженная принцесса, которая не знает ничего, что могло бы нам пригодиться, – повторяет Роуэн.

Королевская дочь. Родители опекали ее всю жизнь и тем самым навредили ей, сделав слабой. Нет, не буду забивать себе этим голову.

– Посмотрим еще, – бормочу себе под нос и знаком команду Роуэну забрать девушку из подвала.

Сирень и перемены

Первое января

Верис

Изобелла ласково гладит меня по голове. Совсем как в детстве. Солнечные лучи щекочут мой нос, заставляя медленно проснуться. Несколько раз моргаю, так как свет ослепляет меня. Я снова дома. В своей комнате. В башне Золотая вышка. Все те ужасы мне просто приснились.

Но когда мои глаза привыкают к свету, я понимаю, что ошибаюсь. Я действительно в комнате в высокой башне, только за окном – бесконечные снежные просторы. Встаю с кровати, шелковый балдахин которой поддерживают длинные посеребренные опоры, на мраморный пол и обнаруживаю, что мои стопы зажили, снова здорового цвета и точно не усыпаны инеем. На мне надет халат из нежной ткани, которая нисколько не спасает от холода каменных стен, но у меня сейчас другие проблемы. Как я тут оказалась? И главное – почему?

Высокие мраморные стены украшает изящный узор из падающих звезд и ледяных цветов, который манит любоваться им, но я направляюсь на поиски оружия. И обуви. Мраморный пол здесь, конечно, не сравнить с каменным в подземелье, но ступням становится холодно, стоит мне только подумать о тех днях внизу.

Кинжал вместе с ножнами обнаруживаю на хрустальном туалетном столике у стены. Рассматриваю свое отражение в зеркале, вокруг которого вьется серебряный плющ: изможденное лицо, растрепанные волосы. Я похожа на принцессу-воительницу из историй Изобеллы. Ко мне возвращаются обрывки воспоминаний. Я почти уверена, что собиралась рассказать все фейри, но когда они вернулись... Сжимаю пальцами пульсирующие виски. Я ведь так ничего и не сказала, верно? Мне следует радоваться этому, но я в себе очень разочарована. Потому что единственной причиной, почему я не предала мой народ, был мой обморок.

А сейчас я чувствую себя настолько хорошо, будто никакого подземелья и не было. Это странно, но я должна воспользоваться сложившимися обстоятельствами, прежде чем фейри вернутся и продолжат свои издевательства. Снова закрепляю кинжал на бедре и бегу к одной из двух дверей, за которой оказывается большая красивая ванная. Практически сразу же поворачиваюсь к другой двери, но передо мной неожиданно появляется высокая молодая женщина. Пячусь назад, пока не врезаюсь в платяной шкаф, металлическая ручка которого впивается мне в спину. Затем выхватываю кинжал и нацеливаю его в сторону фейри, держа рукоятку обеими руками. Только ее это не пугает и она идет ко мне.

– Ни шагу дальше!

– Я вам ничего не сделаю. Меня зовут Сиф, и я здесь, чтобы о вас позаботиться.

– А где другой фейри? Тот, что пытал меня?

Сиф не отвечает, держа в руках деревянное ведро, мыло и полотенца.

– Я помогу принять ванну.

– В яме со змеями? – недоверчиво фыркаю я, но кинжал все же опускаю. Выглядит Сиф довольно безобидной. Наверное, стоит рискнуть и показать свое доверие, чтобы и фейри тоже мне доверяли. Должна же быть причина, почему я больше не корчусь в подвале. Хотелось бы ее выяснить.

Сиф недоуменно вскидывает свои светлые брови.

– В Ригосе змей нет, – медленно говорит она. – Мне велено помочь вам вымыться и одеться.

Что ж, принять ванну было бы действительно неплохо. Я рассматриваю новую знакомую и удивляюсь: неужели все фейри на одно лицо? Сиф – девушка, это ясно. Только волосы у нее почему-то коротко острижены, в то время как мужчины здесь носят длинные. В нашем королевстве подобная стрижка у девушки вызвала бы непонимание, может, и до скандала бы дошло, но Сиф это не делает менее красивой. Даже наоборот – так ей намного лучше, и ничто не скрывает ее точеных скул. Они у Сиф несколько мягче, чем у принца или у моего мучителя, но не менее впечатляющие. Это впечатляет. Указываю на ее голову со словами:

– А что, в Ригосе такая стрижка сейчас в моде? – очень непривычно произносить название чужого королевства.

Фейри тут же отводит взгляд, и создается впечатление, что от неловкости она хочет надеть на голову принесенное ведро.

– Не переживайте так, это очень... освежающе, – тут же поспешно добавляю я. Не хватало еще разозлить тех, кто взял меня в плен.

– Вы же так на самом деле не думаете. – Она явно смущена, но при этом широко улыбается, как будто ей сделали предложение руки и сердца. Мне кажется или она слегка глуповата? А я-то считала, что фейри – опасные соперники, во многом превосходящие людей. Многие в Ауруме утверждали, что они даже мысли читать умеют, но Сиф скорее забавная и страха совсем не внушает. Впрочем, возможно, она просто притворяется дурочкой.

Энергично трясую головой.

– Нет, правда! – Чуть-чуть лести никогда не повредит. Обаяние сейчас мое единственное оружие. – Может, и мне так же постричься?

Она ставит деревянное ведро у кровати.

– Ох, нет! Прощу вас! Только не ваши прекрасные волосы! – Она бросается ко мне, и вместо того, чтобы обороняться, я разрешаю ей дотронуться до моих волос. Тут Сиф снова хмурится: – Настоящий позор так их запускать.

Отталкиваю ее от себя и с вызовом смотрю ей в глаза:

– Выбор средств гигиены в темнице оставляет желать лучшего.

Сиф склоняет голову.

– Принц сожалеет о том, что вам пришлось пережить.

Лжет. Конечно, она лжет. Чтобы не сорваться, я направляюсь в ванную.

– А что с другими девочками? Им пришлось испытать то же самое? – спрашиваю я резко.

– Принц вам все объяснит за ужином, – отвечает Сиф, последовав за мной.

Жду с нетерпением!

Сиф тем временем поворачивает какие-то золотые ручки, и в невиданно большую ванну начинает литься вода.

– Это что, магия? – В нашем королевстве пятеро слуг должны были часами таскать воду, чтобы наполнить ванну.

Теперь очередь Сиф удивляться:

– Разве в вашем человеческом королевстве нет водопровода? – Она выливает в ванну нежно-розовую жидкость из стеклянного флакона и начинает рассказывать что-то про систему насосов, которые и перекачивают воду на верхние этажи замка...

Только я почти не слушаю, опускаю руку в воду, источающую теперь запах сирени.

– Горячая!

Сиф искренне смеется:

– А вы думали, фейри купаются в ледяной?

Снимаю халат и осторожно захожу в воду, не обращая внимания на то, что она почти обжигает. Как только погружаюсь по плечи, из груди вырывается стон. Это настоящий рай.

Сиф не делает никаких попыток помочь мне освободить волосы от оставшихся заколок, поэтому я сама вытаскиваю их из пучка волос и кладу на край ванны. Она с помощью шел-

кового полотенца смахивает их в корзинку, внимательно следя, чтобы не коснуться нежных бутонов мальвы. Пока Сиф ухаживает за моими волосами, я впервые по-настоящему осматриваю свое окружение. Будучи принцессой, мне не привыкать к роскоши, тем не менее я просто не могу насмотреться на белоснежные мраморные стены и сводчатый потолок, украшенный витиеватым узором из крошечных драгоценных камней. Но стрельчатые окна от пола до потолка, занимающие всю стену, лишают меня дыхания. И дело даже не в изящно обработанной оправе камня, с которой в нашем королевстве не справился бы даже самый искусный камнерез, и совсем не в стекле, похожем на тончайшие кусочки льда. А в пейзаже. До самого горизонта простирается снежный ландшафт. Закатное солнце блестит на нетронutom снегу и на льду огромного, идеально округлого озера. При других обстоятельствах я бы любовалась им еще дольше.

Но затем мои мысли резко возвращают меня к реальности. Хуже пытки, что я испытала в подземелье, — это оставаться в неведении. Я не знаю, что меня ждет, что на самом деле задумал принц. Как и любая девушка в Ауруме, я получила образование. Ближний бой, зелья, дипломатия — все, что могло бы помочь в королевстве зимы. Но все это было только на случай непредвиденных обстоятельств. На самом деле никто не мог сказать, что меня ждет в реальности. Понятия не имею, как принц зимы относится ко всем этим проявлениям гостеприимства и заботе, но они уж точно не продлятся долго.

Сиф пытается расчесать мои спутанные пряди, и я сжимаю зубы.

— Сомневаюсь, что их можно спасти.

Сиф массажными движениями втирает какие-то масла и сыворотки мне в волосы, а потом споласкивает их снова и снова, пока наконец вода не становится чуть теплой и я от макушки до пят не пропитываюсь запахом сирени. Тяжело вздохнув, я вылезаю из воды и заворачиваюсь в хлопковую ткань. Сиф неожиданно выходит из ванной, и я не успеваю подумать о том, что осталась стоять полуголой посреди комнаты, как фейри возвращается, а в руках у нее — мое красивое платье с мальвами. Такое же безупречное, как и в день, когда мы выехали из Аурума.

Бросаюсь к Сиф и осторожно забираю платье.

— Но как?..

Сиф негромко хихикает:

— У нас очень талантливая ткачиха-магичка. Я подумала, что вас порадует напоминание о прежней жизни.

Я позволяю Сиф помочь мне переодеться.

— А какой будет моя новая жизнь?

— Меня всего лишь прислали в качестве вашей горничной. — Сиф в очередной раз отводит взгляд. — Больше вы узнаете от принца.

Мрачно рассматриваю свое отражение в зеркале. Нет прежнего румянца на щеках, как и тиары на голове, зато под глазами залегли темные круги. Но, по крайней мере, я чистая и одета. И я все еще принцесса, с тиарой или без нее. Возможно, даже бьернах, как меня тогда называли.

— Обязательно узнаю.

Сиф ведет меня по пустынным коридорам замка. Как же я ошибалась, когда думала, что ванная — самое роскошное место, которое мне доводилось видеть. Но каждый незначительный коридор — это отдельное произведение искусства из белого мрамора и прозрачного льда, формирующих колонны и украшения. Из других ледяных окон видны остроконечные башни и огромные купола. Лучи заходящего солнца отражаются в зеркальной глади, и создается впечатление, что весь замок сделан из чистейших алмазов. Свет, падающий через ледяное стекло, заставляет все как будто светиться оттенками индиго и бледно-фиолетового цвета. С трудом сдерживаюсь, чтобы не открыть рот от восхищения. Не хочу, чтобы Сиф заметила, как меня поразила архитектура фейри. И испугала. Наш замок ничто по сравнению с этим.

Мы останавливаемся у двустворчатых дверей, достаточно больших, чтобы мог пройти великан. Сиф кладет ладонь на дверную ручку:

– Это любимый обеденный зал принца.

Спрашиваю себя, сколько же у принца столовых, и переступаю порог. Огромная комната, похоже, выдолблена из льдины, потому что каждая стена, каждая витая колонна, стол и стулья будто монолитные. Более того, они выглядят так, словно их создала сама природа. Эта грубая эстетика отличается от остальной роскоши замка, но не менее впечатляет. Даже наоборот. Что-то в суровой красоте привлекает меня намного больше, чем нежное убранство моих покоев.

А в дальнем конце стола, на стуле с резной спинкой, сидит принц зимы. Нет, он скорее восседает. Как владыка мира, который выглядит слишком молодым, чтобы называться королем. Он будто создан из чистого льда, как и весь его замок. Прекрасный и холодный. От такого нужно держаться как можно дальше, если не хочешь замерзнуть насмерть или ободрать кожу при малейшем прикосновении. На его голове покоится корона из серебристых веток омелы с отшлифованными лунными камнями вместо белых ягод.

Я сглатываю свое стеснение и, гордо подняв подбородок, шагаю через весь зал. Звук моих шагов стократным эхом отражается от сверкающих ледяных поверхностей. Как только я подхожу к столу, со своего места встает фейри, пытавший меня. Так бы и плюнула ему под ноги, но держу себя в руках и даже не смотрю на него, так что ему не остается ничего другого, кроме как сесть. Вместо этого я обращаюсь к моему настоящему мучителю:

– Я требую, чтобы мне сейчас же объяснили, что все это означает.

– Мы собираемся ужинать, – он изычно указывает на богато накрытый стол. – И ждем вас уже целую вечность. Неужели человеческой девушке нужно так много времени, чтобы выглядеть хоть наполовину презентабельно?

Теперь он даже обращается ко мне на вы, проявляя минимальную вежливость. Гордо поднимаю подбородок.

– После нескольких дней, проведенных в подземелье в заточении? Несомненно. Уверена, вы не справились бы лучше, окажись в такой же ситуации.

Он подпирает щеку ладонью.

– Это угроза?

– Всего лишь предположение глупой девушки, – отвечаю я, пожимая плечами. – Не будете ли вы так любезны просветить меня своей безграничной мудростью и объяснить, к чему эта резкая смена с гнева на милость? Или вы собираетесь оставить меня в неведении? А может, это ваш новый метод пыток?

Он указывает на стул справа от себя. Мне досталось место напротив моего палача.

– Вам нужно сначала поесть что-нибудь, прежде чем задавать вопросы.

– А где остальные девушки? – Когда подхожу к стулу, палач снова встает и не садится до тех пор, пока я не займу свое место.

– Меня зовут Роуэн, я первый рыцарь...

– И это должно меня интересовать, потому что?... – перебиваю его я, заставляя замолкнуть, на что принц фыркает от смеха.

– Смотри-ка, еще не все высокомерие в подземелье оставила.

Игнорирую их обоих. Мне стоит вести себя дипломатичнее, чтобы укрепить свои позиции. Только после проведенных в этом королевстве дней все мои навыки дипломатии куда-то пропали.

– Ешьте, – приказывает принц и откидывает назад прядь своих длинных волос.

Скептически смотрю на блюда. Бланшированные артишоки и нежное картофельное пюре. Запах фазана, маринованного в травах, проникает мне в нос и будит аппетит. Горячий ужин стал бы долгожданной переменной в холодном замке. И все же я медлю.

– Откуда мне знать, что еда не отравлена?

Принц раздраженно запрокидывает голову, и я в глубине души надеюсь, что сейчас его корона из омель соскользнет на пол и разобьется вдребезги.

– Если бы мы хотели вас убить, вы бы сейчас не сидели за этим столом.

С неохотой, но должна признать его правоту, поэтому беру немного каждого блюда.

– Наверное, мне стоит радоваться, что здесь не подают сосульки, – тихо бубню я, обращаясь скорее к себе самой, чем к ним.

Роуэн взрывается хохотом, а я разрываюсь между удовлетворением и презрением.

Как только я заканчиваю есть, оба фейри откладывают свои столовые приборы. Отрывистым взмахом запястья принц дает Роуэну понять, что тот свободен, а затем переплетает пальцы под своей филигранно вышитой мантией. В нашем королевстве такую носила бы женщина. И то только на самый главный праздник года. Тем не менее эта вышивка не выглядит на нем смехотворно или нелепо. Принц впервые смотрит прямо на меня, но взгляд его глаз без зрачков как будто направлен в пустоту.

– Я хотел бы извиниться за то, как с вами обращались в первые дни. – По его словам, ему жаль, но тон говорит совершенно об обратном. – Вы сказали, что ничего не знаете, и мы вам верим. Теперь вы наша гостья, а не пленница. И даю слово, что во время вашего пребывания здесь вы ни в чем не будете нуждаться.

Сжимаю зубы, потому что не верю ни единому слову.

– И как долго продлится мое так называемое пребывание?

– Вы можете свободно передвигаться по территории замка. Если что-то понадобится, Сиф к вашим услугам. И я рассчитываю, что вы прислушаетесь к моим требованиям.

– Еще вчера меня пытали. Что вдруг изменилось?

– Я ожидаю вашего присутствия на каждой трапезе.

– Что вы сделали с другими жертвами? – повторяю я свой вопрос. Принц неподвижно смотрит вперед, и я качаю головой. – Я требую ответов!

– Будете придерживаться моих правил, и вам ни в чем не будет недостатка. – Его взгляд теперь обращен ко мне, и он снова смотрит сквозь меня.

Руки сами сжимаются в кулаки, и я вскакиваю на ноги:

– Я ничего делать не буду, пока не получу ответов!

Он тоже поднимается из-за стола, быстро и, мне неприятно это признавать, очень элегантно.

– Вы смеее разговаривать с принцем таким тоном?

– Вы не мой принц.

Его глаза сужаются, и в столовой становится так холодно, что волосы на моих руках встают дыбом. Голос принца понижается до шепота:

– Даже если я принц другого королевства, вы обязаны говорить со мной почтительно...

– А я, – перебиваю я, и мой голос почти так же холоден, как и у моего собеседника, – принцесса.

Резко разворачиваюсь на каблуках и бросаюсь вон из столовой.

Васильки и подкуп

Пятое января

Неван

Конечно, она принцесса. Это ясно с первого же взгляда любому, если только он не полный идиот. К тому же она образцовый экземпляр. До сих пор ей ни от чего не приходилось отказываться, она высокомерна и избалована. Большой опасности она не представляет, но если я хочу получить нужную информацию, нужно подкупить ее. К попыткам ее подготовили. Тем не менее, на девушек вроде нее, окружение которых в основном состояло из платьев, жемчугов и придворных сплетен, обычно намного проще оказать положительное влияние. И все же я должен был догадаться, что красивая комната, горячая ванна и теплый ужин не заставят принцессу вроде нее в один момент потерять бдительность. Но с ее помощью я обязательно выясню, как мне одолеть этих Проклятых. Я не упущу еще один год, ни за что, чего бы мне это ни стоило.

Поэтому я закажу ей платье и лично отнесу его ей в комнату, как бы ни было утомительно иметь дело с очередной присланной жертвой. Прежде чем постучать в дверь, на миг закрываю глаза. Если я хочу расположить ее к себе, нужно начать с элементарной вежливости.

За дверью слышится непонятный грохот, а затем совсем не свойственные принцессе ругательства.

Щелкаю языком, ожидая, когда она выйдет, но вместо этого принцесса резко распахивает дверь и тычет в меня своим жалким кинжалом.

– Что вам нужно?

– Вы так держите кинжал, словно собрались потрошить кабана, – кивая на ее оружие, прохожу в комнату и кладу на ее кровать серебряную коробку с новым платьем.

Она опускает кинжал, но продолжает пристально следить за всеми моими действиями.

– Непреднамеренная охота на кабана – одно из моих любимых времяпрепровождений.

Полагаю, это должно было звучать как угроза. Многозначительно смотрю на ее нежные руки и скидываю брови:

– Уверен, что это так.

Киваю на коробку. Девушка подходит к ней и медленно разворачивает подарок. Подхожу ближе, чтобы видеть ее лицо, и расширенные зрачки, когда она осторожно вынимает платье, заставляют меня закатить глаза. Некоторое время она рассматривает это творение, с очевидным восторгом водит нежными пальцами по вышивке, но неожиданно швыряет платье обратно в коробку.

– Я его не возьму.

Ей действительно удалось меня обескуражить.

– Могу я поинтересоваться почему?

– Вы меня пытали. И по-прежнему скрываете, что произошло с остальными пленниками, – она выговаривает мне, как моя няня, когда я был еще ребенком. – Если вы думаете, что, получив в подарок платье, я сразу все забуду, то глубоко заблуждаетесь.

Складываю руки вместе.

– Строго говоря, пытал вас не я, а Роуэн...

– Вы ведь поняли, что я имела в виду!

– Понял, и все же...

На ее щеках выступают розовые пятна, и она захлопывает крышку, прищипав ткань.

– Никаких подарков я принимать не буду и платье не надену, а уж тем более обедать с вами, пока не получу ответы на свои вопросы, – она на мгновение отводит взгляд, как будто что-то серьезно обдумывает, – и извинения.

Лед внутри меня замораживает все остатки вежливости по отношению к ней. В три быстрых шага сокращаю между нами расстояние, подходя вплотную, от чего она невольно отшатывается и врезается в край кровати.

– Вы, кажется, забыли, кто перед вами. Я вовсе не прошу принимать мои подарки или обедать со мной. Но завтра утром вы будете сидеть за обеденным столом, хотите этого или нет. Это приказ. А если не появитесь, то узнаете, почему вы, люди, так боитесь меня.

Шестое января

На следующее утро я просматриваю послания от моих шпионов, пока Роуэн щедро наполняет свой кубок черничным вином. В другой раз я бы его отчитал за то, что он пьет с утра пораньше, но сейчас не до этого.

Дверь столовой с грохотом открывается, причиной чему может быть только наша прекрасная гостя. И действительно, я почти чувствую эту смесь инфантильности и несдержанности. Чертовое чутье фейри. Звук ее шагов гулко разносится по залу.

– Сегодня вы вовремя, – бормочу я, не отрываясь от отчетов.

– С добрым утром, – бубнит она, а Роуэн расплескивает вино по столу.

Я поднимаю взгляд и смотрю сначала в ее янтарные глаза, горящие диким огнем, а затем на тонкий халат, едва скрывающий то, что под ним. Она босиком, и ее копна медовых волос вьется вокруг плеч. По крайней мере, они достаточно длинные, чтобы скрыть все интимные места. Но тем не менее это самое большое оскорбление, которое она могла мне нанести.

Резко вскакиваю со стула и бью кулаком по столу.

– Это что, одна из ваших варварских развратных традиций?!

Она спокойно садится на свой стул.

– Как ни странно, мое платье из Аурума куда-то пропало, и Сиф никак не объяснила куда. Также вчера я сказала, что не надену новое платье и не буду есть с вами.

– Я приказал...

– ...явиться сегодня утром и сидеть с вами за обеденным столом, – она кладет ногу на ногу. – Именно это я и делаю. Сажу за столом, без вашего платья и ничего не ем, – при этом у нее еще хватает наглости смотреть мне в глаза и ухмыляться.

Глубоко дышу, стараясь взять себя в руки, чтобы не превратить ее в кусок льда.

– Уведи ее, – сдавленно команду Роуэну.

Поклонившись, он огибает стол и хватается девушку за плечо. Она так же сверкает на него взглядом, но позволяет себя увести. У самых дверей она вдруг оглядывается и дарит мне лучезарную улыбку, полную триумфа. Она добилась того, чего хотела.

Сжимаю кулаки, и свод надо мной начинает содрогаться, из-за чего сверху падают ледяные осколки.

Седьмое января

Верис

Мне снятся мои предшественницы. То, что принц, возможно, сделал с ними. Проснувшись испуганная и в холодном поту, я сразу понимаю одно: здесь оставаться нельзя. Неважно, что он мне обещает, что еще решит подарить – в любой момент все может измениться и я снова окажусь в том подвале или произойдет что-то еще более страшное. Этот внезапный приступ паники мешает мне здраво мыслить, и я, как в трансе, сползаю с кровати, наспех заплетаю

волосы в косу, осторожно открываю дверь и выхожу в коридор. Все мысли о моем истинном задании вылетают из головы, пока я спускаюсь на этаж ниже. Нужно хотя бы попытаться бежать. Сиф рассказывала, что в этом крыле находятся комнаты высокопоставленных обитателей замка, включая покои принца на самом верху башни, но, как всегда, мне никто не попадает. Другая странность заключается в отсутствии других фейри. Может, принц их всех убил? Впрочем, сейчас мне это даже на руку. Никто не заметит моего побега. Правда, было бы глупо бежать в одном только халате. Даже в отопливаемом магией замке он не спасает меня от холода. Не представляю, что будет, если выйти в нем наружу.

Останавливаюсь у одной из дверей и прислушиваюсь. Тихо. Нажимаю на дверную ручку. Разумеется, заперто. Оглядываю коридор и, убедившись, что никого нет, вынимаю из косы пару заколок. Как чувствовала, что полученное образование мне рано или поздно пригодится. С колотящимся сердцем ковыряюсь в замке, почти ожидая, что она окажется заперта каким-нибудь заклинанием, но тут раздается тихий щелчок. Получилось!

Тут же проскальзываю в дверь и осторожно закрываю ее за собой. Моя паника сменяется жадной исследовательской, и я рассматриваю спальню, очень похожую на ту, что выделили мне. Пока рыскаю в сундуке, в нос ударяет резкий мужской запах, и я морщусь нос. Значит, не только в нашем замке есть мужчины, пренебрегающие правилами личной гигиены. Но не стану жаловаться, потому что в комнате, принадлежащей мужчине, я скорее найду то, что мне нужно.

Да, как я и думала! Вытаскиваю пару мягких сапог, которые мне однозначно будут велики, но зато в них достаточно места для нескольких пар теплых носков. Также нахожу перчатки и яркий кожаный мешок с водой. Дальше обыскиваю шкаф. Отдвигаю в сторону ряды праздничных нарядов и перехожу к более повседневной одежде. Мой выбор падает на белую рубашку с расклепанными рукавами и стеганые кожаные штаны. Но моя главная находка – пальто на толстой подкладке с белым меховым воротником. Надеваю рубашку и штаны, которые на удивление едва на меня налезают. Фейри, похоже, все очень худые, но при этом и очень высокие. Быстро закатываю брюки, надеваю сразу три пары носков и подпоясываюсь плетеным ремнем. Выгляжу как ребенок, который решил примерить папины вещи.

Перекинув сумку через плечо и зажав пальто под мышкой, я выхожу из комнаты, но на пороге неожиданно сталкиваюсь с маленьким фейри, который грызет буханку хлеба. Его светло-русые волосы достигают остроконечных ушей, а глаза с тонкими светлыми ресницами смотрят на меня как на призрака. И этот взгляд наверняка отражает мой собственный. Но я ловлю себя на том, что вся подбираюсь, и строго спрашиваю:

- Разве ты не должен быть со своими родителями?
- Это не твоя комната, – его голос звенит как маленький колокольчик.
- Мне кое-что было нужно. Это дела взрослых.
- Ты человек, – заговорщически произносит он, глядя на мои уши.

Наклоняюсь к нему и отвечаю таким же тоном:

– Нет, я не человек, а лесной монстр. Оборотень. И я очень голодная. И больше всего на свете люблю есть маленьких фейри, – тут я задумчиво касаюсь подбородка. – Но знаешь, пожалуй, мой голод утолит и твой хлеб, если пообещаешь меня не выдавать.

Не слишком ли все это жутко для ребенка? Но он вдруг с радостью пожимает мне руку.

– Обещаю, что не выдам тебя! Кстати, меня зовут Эквин. И мне уже сорок пять лет и восемь лун! Почти сорок шесть.

Смотрю на него сверху вниз. Он выглядит не старше десяти. Выходит, фейри стареют намного медленнее людей. При этом он настаивает, что ему почти сорок шесть, именно как гордый десятилетка.

Ухмыляюсь и не успеваю даже ничего ответить, как он протягивает мне хлеб. Прячу буханку в мешок и треплю Эквина по голове:

- Спасибо! Сегодня я тебя пощажу.

Он приглаживает волосы своими очаровательными пухлыми ручками и ослепительно улыбается.

– Эрин мне ни за что не поверит, – выдыхает он с восторгом.

Странный парнишка.

Прикладываю палец к губам, весело подмигиваю новому знакомому и отправляюсь в путь. Прочь из замка. Навстречу холоду и неизвестности. И, возможно, навстречу гибели.

* * *

Одежда, позаимствованная из комнаты фейри, значительно теплее платья и шубы, в которых меня сюда прислали. А вот тонкие перчатки не спасают от ветра. Какая удача, что фейри все-таки восприимчивы к холоду и вне замка носят зимнюю одежду. Только благодарить еще рано, потому что мои колени так трясутся, что я еле передвигаю ноги. То и дело оглядываюсь на величественный замок, от которого я, кажется, совсем не отдаляюсь. Он продолжает возвышаться надо мной, стоя на утесе скалы, чей край был выдолблен, показывая, как камень перетекает в мрамор и гладкий лед. Сверкающие на зимнем солнце стеклянные башни, нарядные купола и изящные мосты, что тянутся между ними и внутренними дворами, впечатляют еще больше, чем внутреннее убранство. Мрамор, лед, стекло – и все связано магией.

Отворачиваюсь от замка. Его красота ослепительна, но смертельна. Как замерзшая роза, чьи обледенелые шипы все так же остры. И то же самое можно сказать и о фейри. Мне нельзя позволять себе увлекаться этой красотой.

Вместо того чтобы перейти бурную реку по одному из главных мостов, я решила идти вдоль берега. Заодно можно будет наполнить фляжку, пусть это и опасно из-за течения. Но главное, что так меня будет сложнее заметить, чем если бы я бежала по бесконечному и открытому мосту.

Только вот я не учла того, что по обледенелой земле очень трудно и непривычно идти. Я то и дело спотыкаюсь о камни, путаюсь в камышах, а на то, чтобы перебраться с одного выступа на другой, у меня уходит целая вечность. Нужно добраться до берега реки, прежде чем я смогу перевести дух, потому что там меня уже не будет видно из замка благодаря скале рядом. Поэтому я сжимаю зубы и двигаюсь дальше, камень за камнем. Над головой светит бледное солнце, мое дыхание сбивается, а замок возвышается позади, словно чудовище, которое вот-вот меня настигнет.

Добравшись до берега, я так сильно вспотела, что сбрасываю с плеч тяжелое пальто. Но совсем без него я бы замерзла на месте и не добралась сюда. Прислоняюсь спиной к большому камню, перевожу дух и ныряю за угол в безопасное место.

Но тут же вскрикиваю и отшатываюсь, потому что передо мной стоит принц зимы. Я спотыкаюсь о камень и падаю назад, успев только развернуться, чтобы смягчить удар.

– Могли бы просто сказать, что хотите прогуляться по моим землям. – Сложив руки на груди, он прислоняется к камню плечом. В то время как я в пальто наверняка выгляжу как раскрасневшийся енот, принц словно был рожден, чтобы носить белоснежную накидку. И его корона из серебряных веток омелы, конечно же, идеально сидит на голове.

– Как вы сюда попали? – выдыхаю я. Все в нем, вплоть до белых кожаных сапог, выглядит безупречно. Он не мог попасть сюда тем же путем.

Принц отталкивается от стены и театрально разводит руки в стороны.

– Древняя магия фейри. Немного волшебной пыли, и я перемещаюсь, куда захочу, по замороженной радуге.

Я вскакиваю на ноги и смотрю на него, полуобернувшись. Возможно, мне удастся проскочить мимо него и убежать. Может быть, из-за того, что воспользовался потайным ходом, он сейчас так же дезориентирован, как и я.

– Дайте мне уйти.

– Ну, в этот раз я вряд ли повезу вас в замок. – Он медленно приближается ко мне.

Я неуверенно отступаю влево. Бурлящая река – единственный шанс на спасение.

– Нет, в замок я не вернусь!

– Там у вас есть все, что нужно. Просторная комната, горячая еда, платья...

– А еще принц, который пытается меня, когда ему захочется...

Он поднимает руку.

– Это было недоразумение. И я готов в десятикратном размере возместить все неудобства, когда вы вернетесь. В стократном, – в его глазах вспыхивает искра понимания, когда он замечает, как дрожат мои руки. – И к тому же, в замке тепло.

Это, конечно, звучит очень заманчиво. Но он ошибается, если думает, что меня так легко сломать. Презрительно фыркаю, за что непременно получила бы от матери:

– Если вы вдруг не заметили, то в замке не так уж тепло и температура явно ниже нуля.

Он вскидывает брови:

– Но благодаря моей магии там гораздо теплее, чем на улице.

Меня охватывает слепая паника, потому что я вижу только один выход. Это полное безумие, но какой еще есть выбор?

– Судя по всему, убивать меня или приносить в жертву вашему ледяному богу вы не собираетесь. Я для вас бесполезна, как и мои предшественницы. – Если тянуть время, это может сыграть мне на руку и заодно дать что-то полезное. – Так почему тогда вы хотите, чтобы я вернулась? – Медленно взбираюсь на большой выступ.

Принц вздыхает и закатывает глаза, прежде чем что-то ответить.

Только я не жду никаких объяснений.

Я бросаюсь вниз, и слова принца смешиваются с шумом бурлящей реки, после чего на меня обрушиваются потоки воды.

Толкаюсь ногами, пока наконец не выныриваю. Пытаюсь вдохнуть и не могу. Мне еще никогда не было так холодно. Даже по пути в зимнее королевство. Волны ледяными пальцами тянутся к моей шубе и пытаются утянуть меня ко дну. Но при этом я все больше удаляюсь от замка и от принца. Намного быстрее, чем если бы я шла пешком. На миг моя рука застревает между двумя камнями, но поток воды высвобождает меня, и я чувствую в кисти вибрацию треска, после чего указательный палец взрывается болью.

Пожалуй, это была самая глупая и убийственная идея. Но это было единственное, что я могла предпринять. Может быть, я умру или меня вынесет на берег и придется в одиночку выживать в ледяном лесу. Все равно это лучше, чем вернуться в замок, где меня может ожидать что-то более страшное, чем смерть.

Поток швыряет меня на острые камни, позволяя ненадолго вынырнуть на поверхность, а потом снова бросает в водоворот. Сил почти не осталось, и вода попадает в горло. Знаю, что это бессмысленно, но я все же пытаюсь бороться, инстинктивно ища ногами опору, чтобы оттолкнуться и выплыть.

Но постепенно мои ноги слабеют, голова начинает кружиться. Мне вдруг становится так легко, что я уже не плыву по течению, а парю.

Ели и неудача

Девятое января

Верис

Просыпаюсь, чувствуя себя в тепле и безопасности, ничего не болит. Рывком сажусь в постели. Слева от меня в мраморном камине горит огонь, жар которого должен бы растопить ледяные окна, но этого не происходит. А напротив – хрустальный туалетный столик. Я снова в своей комнате. Снова в замке зимы. Вздохнув, падаю на подушки и закрываю глаза. Это не может быть правдой. Я чуть не убила себя, пытаюсь сбежать, но вот снова здесь. Зарываюсь лицом в подушку.

Выходит, мне придется подчиниться судьбе. Но, приняв такое решение, я сползаю с кровати и нащупываю кинжал на бедре. Вскользь проносится мысль, что на мне все еще мужская одежда, но уже сухая. Никто не удосужился забрать у меня кинжал. Его вес приятно ощущается в моей руке. То, что я, по их мнению, не представляю особой угрозы, заставляет меня скрипеть зубами. Тихо подкрадываюсь к двери, но она распахивается и ударяется о стену прежде, чем я успеваю коснуться ручки.

Передо мной стоит принц зимы. Сейчас он без мантии, в свободной белой рубашке и обтягивающих штанах. Интересно, в этом королевстве есть такой закон, по которому правитель каждый день должен носить только белое? Его белоснежная одежда в сочетании с бледной кожей и с совершенно белыми волосами гарантируют, что черные радужки его глаз будут выделяться, как куски угля на свежевывавшем снегу. Этот контраст заставляет меня волноваться, и я не могу отвести взгляд от его глаз.

Но кинжал при этом опускать не собираюсь.

– Вы всегда входите в комнату принцессы, не постучавшись?

Он медленно проходится взглядом по мужской одежде на мне.

– Когда вы начнете вести себя как принцесса, я буду относиться к вам соответственно.

В его голосе звучит темное, сладкое обещание, и по моей спине пробегает дрожь, которую мне не удается подавить.

– Хочу показать вам кое-что, – с этими словами он указывает на дверь.

– Одну из ваших пыточных? – шиплю я, не двигаясь с места.

Он закрывает глаза. Наверное, чтобы я не видела, как он их закатывает.

– Я не буду вас пытаться.

– С какой стати мне вам верить?

Он кивает на меня:

– Думаете, в каком состоянии я вытащил вас из Амброзии?

Вот, значит, как называется та река. Конечно же феири называют свои реки в честь божественных жидкостей. Слушаю, что он скажет дальше, с трудом сдерживаясь, чтобы не закатить глаза.

– Вы обязаны мне и моей магии жизнью. Если бы я собирался вас пытаться, то не исцелил бы.

– Не знала, что вы не только принц, но и придворный лекарь. – Иногда язык все же лучше держать за зубами.

Его глаза сужаются.

– Я хорошо владею искусством магии.

– Интересно, как метель и пара сосулек смогли излечить мои якобы смертельные ранения?

– Льдом и снегом моя магия не ограничивается. И хорошо бы вам это запомнить. Я принц зимы и самый могущественный маг в королевстве.

– Но не в мире? – с вызовом бросаю я.

– С моей стороны было бы глупо думать, что я знаю весь мир.

– Я почти поверила.

Он не отвечает, но видно, как напряглись мышцы его челюстей под мраморной кожей.

– Пожалуйста, позвольте мне сопроводить вас. Я хочу вам кое-что показать.

Опускаю кинжал. Принц действительно спас мне жизнь, так что, вероятно, пока мне не нужно переживать о своей безопасности.

– Раз вы так любезно просите...

Принц ведет меня в башню, еще более высокую, чем та, в которой меня поселили. Я, конечно, привыкла подниматься по лестницам замка моих родителей, но уже тяжело дышала к тому моменту, когда мы добрались до самого верха сужающейся винтовой лестницы. Выходим на смотровую площадку. Сквозь полуразрушенные окна свистит ветер. Окна без стекол. Прижимаюсь к мраморной стене между двумя окнами – хотя это скорее колонна, чем стена – и цепляюсь за камень, глядя вниз. Страх пульсирует в венах, но какой же отсюда захватывающий вид! Я парю, летаю над ледяными башнями, стеклянными куполами, нишами в изящных стенах замка и внутренними дворами с застывшими фонтанами. Все вокруг меня – сверкающее солнце, снег и свобода.

Принц зимы тоже осматривает свои владения, и я пользуюсь моментом, чтобы получше рассмотреть его лицо, совершенство которого даже немного пугает. Когда увлекаюсь разглядыванием его странных глаз и тонко очерченных скул, он кажется слишком красивым для мужчины. Но потом он начинает что-то говорить, и я замечаю его угловатую челюсть, брови, слишком темные по сравнению с белыми волосами. Это разрушает все совершенство, но при этом делает его внешность даже интереснее. И эти изысканные противоположности мешают понять, каков он на самом деле.

Он резко поворачивает голову в мою сторону, как будто на миг забыл о моем присутствии.

– Это мое королевство, Ригос, – голос у него тихий и монотонный, но при этом с нотками раздражения.

Мой взгляд скользит по заснеженному ландшафту, прорезанному еловыми лесами и бурлящими реками, похожими на Амброзию, почти у самого подножия замка. Потом смотрю на горы. Неестественно острые вершины, нацеленные в небо, точно зубы хищника. Полуденное солнце не делает яркими эти ледяные плиты, снежные пустыни и горы, однако именно это однообразие заставляет королевство казаться таким необъятным. И среди всех этих хмурых цветов и угловатых форм мне мерещатся очень странные вещи, которые я не могу объяснить. Следы копыт, даже издали чересчур большие для любого известного мне животного. Ледяные качели, виднеющиеся перед окутанной туманом вершиной горы. Моргаю – и они пропадают. Какое-то совершенно необъяснимое, неестественное сияние над развалинами смотровой башни.

– Бежать отсюда бессмысленно. – Принц поворачивается ко мне, и его шелковая одежда мягко шелестит. – Видите лес на юге?

Сужаю глаза. Отсюда деревья кажутся серо-зелеными кустиками, зажатыми между двумя огромными скалами, уходящими точно вверх.

– Там я вас и нашел. Вы очень замерзли и не понимали, что происходит вокруг. Сам по себе этот лес небольшой, человеку может потребоваться максимум час, чтобы его пересечь.

Хмурюсь, потому что мне потребовалось гораздо больше времени.

– Мы называем его лесом Возвращений. Он заколдован, поэтому скрывает то, что его окружает. В нем легко заблудиться, и дорогу смогут найти только обитатели нашего замка. Так что, если бы мы с Роуэном вас не вытащили, вы бы никогда оттуда не выбрались.

Молча смотрю на лес. Вдруг принц лжет насчет заклатья? Впрочем, когда я шла по этому лесу, то действительно потеряла ощущение пространства и времени. А еще странно, что из башни в Ауруме я видела горы, которые теперь не нахожу.

Пока я молча наблюдаю, как порывы ветра вздымают вверх сверкающий снег, шелковая рубашка принца снова шелестит. Только успеваю подумать, что теперь этот надоедливый звук будет преследовать меня в самых жутких кошмарах, как перед моим носом появляется бордово-красная бархатная шкатулка. Она выглядит очень странно на фоне принца, который будто окрашен тончайшим перламутром, серебром и сланцевой чернотой. Возникает впечатление, что кто-то испортил безупречную картину кровавым отпечатком ладони.

– Даже если вы найдете выход из леса, границу пересечь все равно не сможете.

Рассматриваю шкатулку. Конечно, я понимаю, что не смогу вернуться в Аурум. Бегство было отчаянным и необдуманным поступком из-за чувства собственного бессилия.

– Откройте ее, – он указывает на шкатулку, и многочисленные серебряные кольца на его изящных пальцах сверкают в лучах зимнего солнца.

Открываю крышку и с трудом подавляю свое возмущение, потому что уже по форме шкатулки догадалась, что лежит внутри. Ожерелье. Очень изобретательно. Закрываю крышку прежде, чем успеваю как следует разглядеть странно жесткую серебряную оправу и сапфировую подвеску в форме ромба.

– Опять пытаетесь меня подкупить? Вы действительно думаете, что несколькими платьями и украшениями сможете... Я даже не знаю, чего вы добиваетесь. И не позволю этому меня ослепить.

Отдаю шкатулку обратно, и принц неловко следит за тем, чтобы наши пальцы случайно не соприкоснулись. Тем не менее, он спокойно забирает свой подарок.

– Я могу дать вам все, что пожелаете. Даже то, чего ваш отец не смог бы купить. Взамен прошу лишь не отвергать мои подарки, носить красивые платья и не усложнять мне жизнь еще больше, чем она есть.

– Но я не хочу носить вашу одежду, – повторяю я, скрестив руки на груди.

– Что же вы тогда хотите носить? – вздыхает он.

Я замолкаю. А вот и шанс проверить его предполагаемую щедрость. Едва сдерживаю ухмылку.

– Мне нужны платья человеческого покроя. В теплых и нежных тонах. И из теплых тканей, потому что я тут мерзну, если вдруг вы до сих пор не заметили, – ненадолго задумываюсь. – Да, и платье должно закрывать плечи и ключицы в отличие от вульгарных нарядов зимнего королевства.

– Вы пришли на завтрак в халате. Но возражаете, если у платья будут открыты плечи?

– Я сама решаю, когда и сколько ткани мне носить.

Это заставляет его умолкнуть. Несколько мгновений он рассматривает меня, будто я книга, содержание которой он хочет понять.

– Вы правы, – наконец признает он без тени иронии. Эти слова немного смягчают бурю эмоций, бушующих во мне, хотя я могу представить, насколько высокую цену запросила. Но мне не нужны его подарки. Мне нужно уважение. И я хочу ответить тем же. Возможно, это правильное начало.

Неван

– Она приняла ваш подарок? – спрашивает Роуэн, пока я чищу свою кобылу. Это одно из немногих дел, когда я не против поработать руками. Конечно, убирает за ней слуга, но все остальное делаю я: кормлю ее, ухаживаю за ней и каждый день объезжаю. Роуэн ненавидит это, потому что я не позволяю ему мне помогать.

Когда он только родился, то был избран, чтобы в будущем стать моим первым рыцарем. Впрочем, когда мы еще были детьми, нас это мало интересовало. Родители одобряли нашу дружбу, поскольку так формировалось доверие. И безусловная преданность. Когда отец подарил мне мою первую кобылу, мы находились где-то между детской дружбой и отношениями господина и его рыцаря. Нам обоим было ясно, что скоро многое изменится. Роуэн начал кланяться мне и всегда держаться на шаг позади. Но в то же время он был еще достаточно молод и импульсивен, чтобы подражаться со мной из-за того, что я запретил ему помогать мне с моей лошадью. Я хотел быть взрослым и самостоятельным, как и ожидал от меня мой отец. В то время как Роуэн по-прежнему пытался цепляться за то, конец чего был неизбежен.

Сейчас он это понимает. Поэтому, прислонившись к тюкам сена, полирует свой меч и ждет ответа на свой вопрос. А потом догадывается, что я не собираюсь отвечать. Некоторые привычки остаются до конца жизни.

– Она очень... своенравная, верно? Абсолютно избалованная. Но ее воля впечатляет.

Смотрю на него поверх спины моей лошади.

– Это лишь видимость. Рано или поздно она захочет роскоши, подарков и комфорта, к которым привыкла.

– И вы думаете, тогда она расскажет все, что знает о Проклятых?

– О, она мне все расскажет, если влюбится в меня. Или же в свое потенциальное положение при дворе.

Роуэн выглядывает из-за серебристой гривы моей кобылы.

– Что вы имеете в виду? – спрашивает он с подозрением.

– Влюбленность, Роуэн. Это иррациональное чувство, которое любая молодая девушка – неважно, фейри или человек – считает жизненно необходимым, – бубню я себе под нос.

Роуэн достаточно умен, чтобы промолчать. Но в его глазах я замечаю тень сомнения, которого не понимаю. Любая девушка при дворе продала бы родную мать, лишь бы получить хотя бы намек на мое внимание. Конечно, их привлекает не мой характер, я прекрасно это понимаю. Но зато у меня есть деньги, власть и внешность, которых достаточно, чтобы они говорили о влюбленности. И эта девушка тоже в скором времени влюбится в меня. Пусть даже сейчас она боится меня, презирает и ненавидит.

Гардения и таланты

Десятое января

Верис

Я отдаюсь своей судьбе. Глупо было пытаться сбежать. Глупо, но в то же время необходимо, чтобы осознать это. Я никогда отсюда не уйду. Возможно, мне удастся выяснить слабое место принца или хотя бы узнать, что случилось с другими избранными. У меня нет шансов победить, но это не значит, что я буду бездействовать. Я выполню то, что от меня требуется, и то, что хорошо умею. Я снова превращусь в принцессу и позволю Сиф вымыть мои волосы, а затем облачить меня в шелк и бархат.

Но когда она пытается заплести мне нежные косички, которые фейри обычно укладывают из своих тонких волос замысловатыми узорами вокруг головы, я только отрицательно качаю головой.

– У меня волосы так держаться не будут.

– Что же тогда? Подстричь их так же коротко, как мои? – спрашивает она с едва заметно вспыхнувшей насмешкой в глазах. Сиф опускает взгляд, скрывая эту часть своего существа, очевидно, ожидая какого-то наказания.

Но я только смеюсь.

– Просто заплети все волосы назад. Знаешь, если ты и дальше будешь меня так смешить, я, возможно, смогу наслаждаться своим пребыванием здесь, – потому что жизнь здесь меня сейчас точно не радует.

– Сделаю все возможное, миледи.

– Миледи? – чуть наклоняю голову. Так обычно обращаются к придворной даме, но не к принцессе.

– Понимаете... – осторожно начинает она, перебирая пальцами так непривычные ей мои густые волосы, – вы, конечно же, принцесса, но...

Она не договаривает, и я продолжаю за нее:

– Но не ваша принцесса. И даже не просто принцесса другой страны. Я принцесса вражеского королевства. Я все понимаю.

Сиф молчит. А ведь горничная должна уметь поддерживать разговор. Впрочем, я давно уже догадываюсь, что она никогда не была горничной.

Сиф ведет меня запутанными коридорами по совершенно другому пути, чтобы показать мне замок. Она указывает на каждый из них и объясняет, что там можно найти. Торжественные залы, библиотека, больничное крыло. Кажется, будто я попала в один из сказочных миров Изобеллы, которые я раньше могла представить только смутно и которые здесь вдруг ожили сами собой. Цвет индиго и мерцающий фиолетовый, перламутр. Словно находишься внутри огромной раковины из южной страны. Все сияет цветами, которые мне знакомы из Аурума лишь благодаря драгоценным безделушкам. Но есть кое-что другое, что привлекает мое внимание. Что-то в замке зовет меня, какой-то приглушенный шепот, который затрагивает мое сердце.

– Это магия фейри, – поясняет Сиф, заметив, что я хмурюсь.

Смотрю вокруг, словно пытаюсь разглядеть эту самую магию в воздухе, а потом перевожу взгляд на Сиф.

– А ты разве не фейри? – Для меня она выглядит так же, как и все фейри. Бледная кожа, белоснежные волосы, точеная фигура. И острые уши, конечно. Впрочем, я пока видела не так много фейри, чтобы судить.

– Я фейри, миледи. Но моя магия не в силах сотворить нечто подобное, – с этими словами она указывает на витиеватую ледяную арку, но меня не покидает ощущение, что зов, который я чувствую, не имеет никакого отношения к магической арке.

Мы заходим в крытую галерею, очень похожую на обители монастырей Аурума. Только на стенах нет изображений первой богини Мерданы, вместо этого вдоль стены тянется огромная мраморная фреска, изображающая фейри, волков, драконов и других существ.

Зов становится сильнее, но я не могу понять, откуда он исходит. Будь я одна, могла бы лучше на этом сосредоточиться.

– Почему ты стала моей горничной? – спрашиваю я, чтобы не вызывать у Сиф лишних подозрений своим молчанием.

Она не отвечает, пока мы не оказываемся в коридоре со спиралевидными пилястрами, такими нежными, что они, кажется, сломаются, если до них дотронуться кончиками пальцев.

– Я... – Сиф приглаживает свои волосы. – Это приказ принца.

Не успеваю опомниться, как мы уже стоим около столовой. Сиф с легкостью открывает двойные двери, с которыми сама я, пожалуй, не справилась бы. Она прощается со мной, присев в реверансе, и быстро убегает. Тяжело вздыхаю и захожу.

Роуэн поднимается со своего места и слегка склоняет голову. В Ауруме меня приветствовали иначе, но я все же дарю ему короткую улыбку. На большее пусть не рассчитывает.

Принц зимы неподвижно сидит на своем королевском стуле и наблюдает за мной с демонстративным безразличием.

– Доброе утро, – выдавливаю я. Они почти не реагируют, и я со вздохом занимаю свое место за богато накрытым столом. – Чего вы от меня ожидаете?

Принц приподнимает одну бровь.

– Что вы имеете в виду?

– Чем мне заниматься целыми днями помимо трапез в этой веселой компании? – спрашиваю я, намекая на кислое лицо принца и на Роуэна, который задумчиво наполняет свой бокал.

– Наши придворные дамы обычно проводят время, занимаясь вышиванием или живописью. Или просто прогуливаются, – поясняет принц.

Все как в башне Золотая вышка. Если честно, я ожидала чего-то более необычного от фейри, вроде вышивки из льда. Видимо, он заметил мое разочарование, поэтому поджимает губы.

– Хотите сказать, что ваши придворные дамы занимаются чем-то другим?

– Разве я не упоминала, как люблю охотиться на диких кабанов? – без тени улыбки спрашиваю я.

На несколько секунд воцаряется тишина, а затем Роуэн разражается громким смехом. Снова улыбаюсь ему, но уже чуть более искренне, чем до этого.

Принц прищелкивает языком, и Роуэн тут же умолкает. Видимо, для Его Высочества смех – бесполезная трата драгоценного времени.

– Можете участвовать в придворных занятиях. Если нет, других обязательств, кроме как составлять мне компанию во время трапез, у вас не остается. И, разумеется, вы должны выполнять мои приказы.

– Да я почти свободная женщина, – шепчу я, потому что тут наверняка есть какой-то подвох.

Он кривит губы в усмешке.

– До сих пор не уверен, женщина вы или дикий лесной гном в парике. – Возможно, у него все же есть немного чувства юмора. – Сиф проводит вас в салон, где вы сможете проводить свободное время.

Проглатываю кусочек яблока и отвечаю:

– Звучит прекрасно. – На самом деле это нисколько не прекрасно. Все эти подарки, свобода и хорошее обращение похожи на сеть, которая медленно, но верно стягивается вокруг меня.

– Для нас четверых замок ужасно большой. Неужели принц зажарил и съел остальных подданных?

Сиф, видимо, никак не может решить, смеяться ей или в ужасе прикрыть рот ладошкой, поэтому она делает и то и другое.

– О, здесь живет бесчисленное количество фейри. Просто принц предпочитает тишину. Поэтому держитесь от него подальше, пока он не прикажет иного.

– Ты боишься его.

Ожидаю, что Сиф возразит, но она опускает голову:

– Мы все боимся.

Молчу. Нужно немалое мужество, чтобы признать свой страх. Только такое объяснение тишины в замке меня не убеждает. Я чувствую присутствие других фейри, как они тайно наблюдают за мной. Это меня они избегают.

Сиф приводит меня в роскошный салон на южной стороне замка, из окон которого, между башнями и скалами, открывается вид на Амброзию. В бархатных креслах, все с той же непринужденной элегантностью, восседают женщины-фейри. Их красота ошеломляет, и, учитывая, что я почти не сталкивалась с фейри, могу только смотреть на них.

– Что это за малышка? – небрежно бросает одна из них, отрывая виноградину от большой грозди. Она не может скрыть своего любопытства за напускным кокетством и изучает меня, чуть наклонив голову набок. – Даже не слишком уродливая.

Ее пренебрежение выводит меня из себя.

– Я вам не малышка. И уж точно не уродина.

Фейри продолжает меня разглядывать. Длится это мучительно медленно. Прямо чувствую, как она подмечает мои медово-светлые локоны, уши округлой формы и приземистую фигуру. Полагаю, приземистой меня воспринимают все фейри, потому что они выше меня чуть ли не на голову. Она покровительственно улыбается:

– Для меня – малышка. Котенок.

– Вы выглядите ненамного старше меня. – Я прохожу в комнату. Плечи расправлены, спина прямая.

– О, поверь, я гораздо старше, чем ты думаешь.

Я знаю, что фейри стареют намного медленнее, чем люди, но притворяюсь, что не имею об этом понятия.

– Тогда вы должны раскрыть мне свой секрет красоты, – прошу я сладким голосом. Пока не уверена, ненавижу ее после нашей короткой беседы или хочу с ней подружиться.

Сажусь в кресло. Моя новая знакомая представляется Элирией, другие женщины также одна за другой называют свои имена. Но Элирия очаровывает меня больше всех. Глубокий вырез платья, на пальцах – серебряные кольца, украшенные драгоценными камнями. Но больше всего меня привлекли ее рыжеватые волосы, так отличающиеся от привычных для фейри серебристо-белых.

– Не знала, что при дворе есть еще люди, кроме меня.

Элирия громко смеется. Смех у нее довольно заразительный.

– Я не человек. Я родом из северной части королевства. Сюда меня привело мое исключительное мастерство. Понимаю, это немного сбивает с толку, ведь зимние фейри все выглядят

как снеговики. Ну, или как искусно обработанные ледяные скульптуры, но не суть. Я давно здесь живу, но так и не научилась их различать.

Откидываюсь в кресле. После такого миролюбивого ответа мне хочется узнать о ней больше.

– И в чем же заключается ваше мастерство? В музыке или, может быть, живописи?

Элирия снова смеется.

– Я разбираюсь и в музыке, и в живописи. Но мои руки способны на большее, чем держать кисть для рисования.

Мои щеки вспыхивают.

– Так вы куртизанка? – практически выдыхаю я, не в силах скрыть смесь благоговения и шока.

– Как и все мы, – Элирия указывает на других хихикающих женщин. – Разве в человеческом королевстве такого нет?

Качаю головой.

– Ну, у нас есть... – не решаюсь произнести следующие слова и краснею еще сильнее.

– Уличные девки, – невозмутимо продолжает за меня Элирия.

Я все еще пытаюсь подобрать другое слово.

– Я бы никогда не назвала их...

Элирия откидывается на спинку кресла и внимательно изучает свои ногти.

– Ну, а я всегда называю вещи своими именами. Ни больше, ни меньше. Это такая же работа, как и любая другая, за которую получают деньги. Верно, Сиф?

Сиф чуть подскакивает на месте, как будто до сих пор с ней ни разу не заговаривали куртизанки.

– Я... Ну да, каждый должен делать свою работу... Просто... Само выражение... – ее голос становится все тише, и Элирия в раздражении закатывает глаза.

Смотрю на нее с неодобрением.

– Говорить, чем именно ты занимаешься, это не то же самое, что называть вещи своими именами.

Элирия на несколько мгновений лишается дара речи, а потом снова заливисто хохочет.

– Посмотрите на нее. Котенок показывает свои коготки. – Она резко поднимается, подходит ко мне и наклоняется так низко, что кончики наших носов едва не соприкасаются. – Мне платят за то, что я хорошо умею. Я пою, играю на лире, рисую и веселюсь. А когда в настроении, уединяюсь с рыцарями, магами и знатными господами. И иногда с придворными дамами, если они хорошо заплатят. – Она заговорщицки мне подмигивает, отчего я опять краснею, а другие куртизанки хихикают. – А в настроении я очень часто. И не стесняюсь в этом признаваться.

После эффектно выдержанной театральной паузы она отворачивается от меня и выходит из комнаты вместе с еще двумя куртизанками. Когда этот небольшой парад рюш, хихиканья и парфюма с ароматом гардении скрывается за дверью, я остаюсь в полном благоговении от прекрасной фейри, которой палец в рот не клади.

После посещения салона у меня появились тысячи вопросов, и все оставшееся утро я забрасываю ими Сиф, игнорируя пряжу и спицы, с помощью которых куртизанки коротают время. Бедняжка, наверное, за несколько последних часов говорила больше, чем за целую неделю, но вместе с тем она с готовностью взялась удовлетворить мое любопытство.

– То есть эти девушки занимают то же положение, что и рыцари с магами? – спрашиваю я по дороге в мою комнату, чтобы переодеться к обеду.

Сиф поджимает губы.

– Да, можно и так сказать. Они являются частью двора искусств и пользуются большим уважением, даже если немногие из них владеют магией.

– А при чем тут магия?

– Магия – один из талантов, которые у нас очень высоко ценятся. Магия, музыка, живопись, военное искусство и... мастерство чувственных наслаждений. Ко двору искусств принадлежат все, кто так или иначе одарен.

– А если сын крестьянина владеет магией?

Сиф качает головой:

– Наши сословия не связаны с происхождением. В междуречье любой может подняться в чине. Кроме высшего общества, разумеется. Если не повезло там родиться, то стать его частью можно только через брак. В зимнем королевстве свадьбы имеют большое значение, потому что жених или невеста может усилить или, наоборот, ослабить власть. К этому вопросу здесь подходят очень ответственно.

Потираю виски, пытаюсь вникнуть в суть, пока мы поднимаемся в башню по винтовой лестнице.

– Все это звучит довольно сложно, – вздыхаю я.

Сиф толкает дверь в мои покои.

– На самом деле это довольно просто. Есть высшее общество, то есть королевская чета и их приближенные. Принцы и принцессы не могут стать королем и королевой, пока не найдут подходящих супругов. Затем идет двор искусств, куда входят рыцари, влиятельные маги, художники и куртизанки. Потом следует сословие ремесленников и магов низшей касты, и наконец – слуги. Но не переживайте, никто не смог бы понять систему наших сословий, обычаи и негласные правила всего за несколько часов.

Она возится у туалетного столика, пока я падаю на свежезаправленную постель. Должно быть, приходила горничная.

– А ты к какому сословию принадлежишь?

Сиф вздрагивает и роняет шкатулку с заколками на пол. Она поспешно опускается на колени, чтобы все собрать, пунцовая до кончиков ушей. И ее растрепанные короткие волосы не могут этого скрыть. Тяжело вздыхаю и невольно вспоминаю Изобеллу, которая всегда отшучивалась, если совершала ошибку.

И тут что-то пронзает мою спину до самого сердца. В первый момент я думаю, что вероломная служанка спрятала кинжал среди простыней. Но нет, дело не в этом. Просто я так скучаю по Изобелле, что это причиняет боль. И эта боль становится сильнее, когда понимаю, что вообще-то должна скучать по родителям, но почему-то не делаю этого. Слишком долго я себя настраивала не скучать по семье и не лить слез. Но вот Изобелла – особый случай. Ее просто так не выкинешь из сердца, я должна была понять раньше. Она была мне и матерью, и сестрой, и наставницей. Она была моей лучшей подругой. Чтобы сдерживать рыдания, я сажусь на кровати и проглатываю все: боль, слезы и воспоминания.

Как раз вовремя, потому что в этот момент Сиф поднимается. Она вся красная и оттого не замечает, что мои глаза покраснели. Если, конечно, покраснели. Не уверена, что еще способна на такие эмоции. В последнее время у меня появилось впечатление, что я разучилась плакать.

– Я принадлежала ко двору искусств. Только что попала в ряды магической аристократии. – Сиф опускает голову. – Но принц перевел меня в служанки.

Жестом она просит меня встать в центр комнаты, что я и делаю.

– Он действительно может это сделать? Вот так, запросто?

– Он все может, – возмущенно отвечает Сиф, ослабляя шнуровку моего корсета. Вероятно, каждый раз за столом я должна появляться в новом платье. Впрочем, ничего необычного, ведь еще в Ауруме я привыкла в первую очередь думать о своем внешнем виде.

Поднимаю руки, чтобы Сиф могла надеть на меня огромное платье из бархата и парчи, которое доставили сегодня утром. Кручусь у зеркала, рассматривая ткань, нефритовую зелень

которой лишь с большой натяжкой можно сравнить с весенней свежестью. Впрочем, принц сдержал свое слово и выполнил все требования к моему новому гардеробу.

Впрочем, нежные ледяные цветы на рукавах вышиты серебряной, а не золотой нитью. Но на эту провокацию я не поведусь.

Неван

Принцесса входит в столовую в сопровождении Сиф. Несколько раз я подумывал о том, чтобы провожать ее из комнаты в столовую лично. Это было бы вежливо, и так я быстрее достиг бы своей цели. Но на это у меня нет времени. И нервов. Ее болтовня с Роуэном о платьях, праздниках и о чем-то еще ужасно утомляет. Поэтому, когда слуга убирает мою тарелку и ставит передо мной миску с десертом, я выдыхаю с облегчением.

Я даже не сразу понимаю, что она обращается ко мне. Только когда за ее надоедливый голосом не следует баритон Роуэна, я перевожу взгляд на принцессу.

– Извините мне мое небольшое невнимание. Вы хотели о чем-то спросить?

Если она и уловила сарказм в моих словах, то не подала виду.

– Да, я спросила, действительно ли вы едите снег. – Она возмущенно кивает на миску. – Я всегда думала, что зимние фейри питаются снегом и кровью своих врагов.

Снова смотрю на свой десерт.

– Это национальное блюдо. Чистейший лед с самых высоких гор зимнего королевства. Его тщательно крошат и поливают вишневым сиропом и ликером.

– Все-таки вы едите снег, – стонет она и скептически рассматривает любимый мной в детстве десерт, который сейчас уже не приносит такой радости.

– Просто попробуйте. Вам понравится, – вмешивается Роуэн.

Она берет серебряную ложку и пробует совсем чуть-чуть. По крайней мере, правила поведения за столом для нее не пустой звук. Она слегка вздрагивает от холода, но ничего не говорит. Полагаю, ей понравилось, не могло не понравиться. Я давно заметил, что к десертам у нее особая слабость. Даже немного странно наблюдать, как человек в ее положении может так искренне радоваться простому десерту.

– Неужели вам не нравится, принцесса? – интересуюсь я, и Роуэн бросает на меня прищуренный взгляд.

Но она не замечает очередного сарказма в моих словах и задумчиво откладывает ложку в сторону.

– Вполне сносно для покрытого снегом королевства. – При этом она смотрит на меня, и я просто не могу описать этот взгляд иначе, чем вызов. Вероятно, это месть за ледяные цветы, вышитые серебряными нитями. – Конечно, никакого сравнения с разнообразием десертов в Ауруме. У нас к тому же было из чего выбирать. У нас самые спелые фрукты, сладкие, как нектар. Наш повар всегда украшал их глазированными цветами. Но здесь, к сожалению, цветов совсем нет.

Я так сильно сжимаю зубы, что они скрипят. Она явно напрашивается на то, чтобы ее снова бросили в темницу.

Морозник и открытия

Двенадцатое января

Верис

За два дня мы с Сиф обошли почти весь замок. Но все, что я тут знаю, – это моя комната, путь в столовую и салон, который занимает Элирия со своей свитой и где я теперь обычно коротаю время. В остальном же я по-прежнему чувствую себя потерянной в этом огромном замке. Не могу этого выносить, поэтому позволяю Сиф помочь мне подготовиться ко сну и жду наступления ночи. Затем беру с ночного столика светящийся кусок нетающего льда. Сиф сказала, это ледяная магия. Он сможет осветить путь, если мне ночью вдруг понадобится воспользоваться ванной комнатой.

Но сегодня он послужит для другой цели.

Надеваю теплые тапочки из гардероба. Надеюсь, они помогут мне передвигаться тихо и незаметно. И мои ноги не замерзнут. Ночью в замке становится гораздо холоднее, как будто магия, поддерживающая сносную температуру в течение дня, тоже засыпает. Прежде чем выйти из комнаты, прячу кинжал за пояс халата. Он, конечно, от холода не спасает, но это единственная вещь в моем гардеробе, которую я могу надеть без помощи Сиф. Бесшумно выскальзываю в коридор, спешу по винтовой лестнице вниз на первый этаж и только спустившись понимаю, как сильно колотится мое сердце. Не знаю, насколько это может быть опасно, но я должна все выяснить. А другого шанса, кроме как ночью, больше не представится.

Бесцельно блуждаю вокруг в поисках того, что чувствовала утром, но пока ничего. Только звенящая тишина. Честно говоря, я ожидала встретить хотя бы пару слуг. Но никого нет. Как будто замок сам хочет дать мне возможность исследовать его. Сворачиваю в коридор, ниши которого украшают блестящие серебристые доспехи, совсем не похожие на громоздкие металлические доспехи наших рыцарей. Впрочем, меня привлекают не они, а зов. Тот самый. Теперь я чувствую, откуда он исходит.

Этот зов ведет меня до конца коридора и через остроконечную арку в круглую комнату, в три раза превосходящую мои покои. Поднимаю взгляд на стеклянный сводчатый потолок, цветной витраж которого изображает кровавые битвы. Лунный свет падает на круглый каменный стол в самом центре комнаты, на поверхности которого высечена гигантская карта мира. Мельком замечаю на стенах металлические гербы с изображениями воронов, волков, драконов и других мифических существ. Их нет смысла изучать, так как геральдика в королевстве зимы наверняка отличается от нашей. В первую очередь потому, что у нас нет никаких драконов. Но зато на краю стола кто-то оставил несколько пергаментов с картами. Разворачиваю один из них и довольно фыркаю. В блеклом свете моего магического фонаря узнаю причудливую форму этого замка и реку Амброзию, извивающуюся вокруг него. Здесь же, на карте, показаны ближайшие окрестности. Это может пригодиться! Странно, что эту комнату никто не охраняет. Видимо, подданные так боятся принца, что просто не осмеливаются сюда входить.

– Планируешь войну, дорогая? – раздается хриплое у меня за спиной.

Сердце замирает, и я резко разворачиваюсь, роняя световой камень, попутно сменяя со стола несколько карт. Передо мной стоит женщина с лицом, похожим на бумажную маску. Она, пожалуй, самая старая из всех фейри, которых я видела. Мне известно, что с каждым годом фейри стареют все медленнее, поэтому они живут тысячи лет, прежде чем станут совсем дряхлыми. Но эта женщина не похожа на живое стареющее существо, а словно нарисована

углем на пергаменте. Несмотря на все ее морщины, и мысли не возникает, что она может скоро умереть. Напротив. Черные глаза горят живым блеском даже в темноте.

– Или, может, не войну, а вполне личное сражение? – Она легко наклоняется за упавшими картами.

– Просто не спалось. – Поднимаю повыше свой фонарь, как будто он может меня защитить. – Думала, что небольшая прогулка пойдет мне на пользу, но потом заблудилась и...

Она прищелкивает языком и заговорщически мне подмигивает:

– Я ничего ему не скажу.

– Сомневаюсь, что его интересует моя бессонница, – парирую я слишком резко.

– А язычок у тебя острый, – подмечает старая фейри. – Часто это признак острого ума. Но не всегда.

Она указывает мне следовать за ней. И я иду. С одной стороны, чтобы не навлечь еще больше неприятностей, ведь я и так вломила в командный штаб принца. А с другой стороны, потому что не могу иначе. Неужели этот странный магический зов исходит от нее?

Старая фейри даже не пытается быть тихой, пока мы идем по коридору с доспехами. Правда, ей и не нужно этого делать, потому что, как и все фейри, она буквально скользит, в то время как я стараюсь смягчать каждый шаг. Зато разговаривает она так же громко, как и до этого.

– Даже не знаю, полезен ли в твоём случае острый ум или его недостаток был бы лучше. Ум или смелость – что же является залогом успеха?

Понятия не имею, куда она меня ведет, но не отстаю, пытаюсь шагать с ней в ногу.

– Не совсем понимаю, что вы имеете в виду.

Неожиданно она резко толкает меня куда-то в сторону своими длинными узловатыми пальцами, и я невольно вскрикиваю. Чуть сердце не остановилось при мысли, что мне пришел конец. Но мне всего лишь нужно пройти через еще одну дверь. Гигантскую, с геометрическим орнаментом и украшенную сапфирами. Она выглядит так, будто скрывает нечто очень важное от посторонних глаз.

Едва мы переступаем порог, точно по сигналу загораются десятки светящихся камней, и их мерцающий свет озаряет комнату, чем-то похожую на собор. Высокие тонкие колонны поддерживают сводчатый потолок из цветного стекла точь-в-точь как в комнате с картами. Только здесь каждое стеклышко окрашено в самые разные тона черного, голубого и темного аметиста с крошечными прозрачными вкраплениями там и тут. Звезды. Лунный свет падает сквозь них среди моря сумрачных цветов, создавая иллюзию, что мы стоим под открытым небом. Моя рука сама тянется к сердцу от того, как захватывает дух.

Фейри шагает по комнате, скользя своими морщинистыми, но элегантными пальцами по удивительно реалистичным бюстам и драгоценным камням размером с куриное яйцо на темно-синем бархате.

– Некоторые из нас хотят того же, что и ты.

– Уехать в Аурум и объесться медовыми пирогами? – снова болтаю, не подумав. Но это помогает увести разговор от намеков, что я хочу навредить принцу. Поддержи я ее, тут же подписала бы свой смертный приговор. Наверняка это все коварный план принца.

Она оборачивается.

– Времени мало, и было бы разумнее не тратить его на сарказм. Лучше задай правильные вопросы, – с этими словами она отворачивается и идет дальше вглубь комнаты. А я следую за ней, ведомая этой странной тягой, исходящей от нее.

Фейри останавливается у гигантского гобелена на самой дальней стене. На нем вышит принц. Вокруг него изображены морозник, терновые ветви и ледяные кристаллы, выполненные в очень ярких цветах. И лишь силуэт принца выдержан в чистой белизне сверкающего серебра и угольно-черном цвете. Лицо проработано так детально, что невозможно определить возраст.

В одно мгновение мне кажется, что я смотрю на ребенка, а в следующее – на старика. Моргаю, и теперь он такой же, каким я его вижу каждый день. Сердце так и колотится. Настоящий шедевр. На этом гобелене он словно живой. И действительно...

– Нити... Они двигаются? – подхожу так близко, что теперь могу различить каждую ниточку. Они сверкают, вьются и движутся. Гобелен живой.

– Просто немного магии, – вздыхает фейри. – Ничего особенного. Это работа его бабушки. Тебе еще многому предстоит научиться, прежде чем ты сможешь победить принца.

Нерешительно протягиваю руку вперед, но любопытство сильнее. Кончиками пальцев провожу по серебряным нитям, которые тянутся от его рук, ног и головы к груди, где крепко оплетают его медленно пульсирующее сердце. Как будто клетка.

– Его можно победить, – шепчет фейри прямо мне в ухо, пока мои пальцы касаются серебряного сердца принца.

– Зачем вы мне это говорите? – мой голос не громче тихого порыва ветра над снегом. Я должна бы бояться этой старухи или хотя бы быть настороже. Вряд ли наша встреча посреди ночи – просто случайное совпадение. И все же я с нетерпением жду, что она скажет дальше.

– Я уже говорила. Не все здесь ему поклоняются. Под проклятье его ледяных осколков могут попасть не только люди, но и фейри. Вообще кто угодно.

– Тогда почему вы ничего не предпримете против него?

– Я уже очень стара. – Фейри медленно отступает от меня, растворяясь во мраке, будто призрак. И одновременно с этим начинают гаснуть светящиеся камни вокруг нас. Словно умирающие звезды.

Ощущение, будто я во сне и не могу пошевелиться.

– А как он создает эти осколки? И в чем его слабость?

– Ответ прямо перед тобой. Не могу сказать больше, не совершив государственной измены. – И высокая фигура исчезает в тени. Теперь лишь мой световой камень слабо рассеивает темноту. Снова смотрю на гобелен, где каждая посеребренная нить отражает немногочисленный свет. Сердце принца все еще бьется, так бесконечно медленно, что едва ли может обеспечить жизнью. А серебряные нити, которые держат его в плену, – это ледяные тиски. Вот в чем дело. Его сердце замерзло.

Лаванда и придворные

Тринадцатое января

Верис

Все утро думаю над странными словами старой фейри. Она сказала, что я стою перед его слабым местом. Но ведь замерзшее сердце – это сила. Именно оттуда он посылает ледяные осколки в сердца людей. Должен быть способ остановить их, но как? Я не могу вонзить ему в грудь кинжал, чтобы уничтожить источник осколков. И вырвать сердце из груди и швырнуть в огонь, чтобы оно там расплавилось, тоже не могу.

– Все хорошо? – вопрос Элирии возвращает меня в реальность. Отпускаю подлокотники кресла и разминаю пальцы. Костяшки еще несколько мгновений остаются белыми, и, судя по тону Элирии, лицо у меня выглядит таким же. Не самый лучший вид для портрета, который куртизанка непременно захотела написать с меня.

– Конечно, все хорошо. Просто не люблю долго сидеть на одном месте.

– Ох, извини, пожалуйста, что хочу запечатлеть твою человеческую красоту, пока она еще не пропала, – язвительно фыркает Элирия и небрежно машет кистью в воздухе. Брызги краски попадают на все еще тусклые волосы на моем портрете. – Потому что будь уверена, уже завтра ты проснешься с пятью новыми морщинами и найдешь у себя десять седых волос.

– Нет у меня никаких морщин, – негодую я.

– А это тогда что? – Элирия указывает кистью на мой лоб, и я прикрываю его ладонью.

– Это от разочарований. Пройдет.

Элирия поворачивается к холсту и наносит дополнительные оттенки на мою кожу.

– Это принц тебя разочаровывает? – спрашивает она со знающей ухмылкой.

Мои инстинкты говорят мне все отрицать, но можно хотя бы попытаться воспользоваться положением Элирии при дворе.

– Он всегда так любезен с дамами?

Элирия только отмахивается:

– Безнадежный случай. Раньше я думала, что просто недостаточно хороша для него, но после того, как он отверг меня несколько раз... Меня, можешь представить?! – Она указывает кистью на свою фигуру. – После этого я вообще засомневалась, что его интересуют женщины.

– Женщины? – поднимаю в удивлении брови. Если он предпочитает делить постель с мужчиной, это повлечет новые трудности.

– Мужчины или женщины, не суть, – тут же добавляет Элирия. – Полагаю, дело в его замороженном сердце. Даже если мы говорим не о любви, любое желание возникает в сердце. А он не хочет ничего и никого, кроме... – она запинается. Значит, ни для кого не секрет, что сердце у принца замерзло, и он, конечно, не хочет, чтобы мне об этом было известно.

Наверное, потому что знает, что сердце – его слабое место. Как же мне растопить его, не используя кинжал и не прибегая к насилию? Возможно, поэтому он никого к себе не подпускает. Стоит только представить, что я должна сделать, как пальцы начинает неприятно покалывать и пробирать дрожью. Это при том, что меня готовили к такому варианту. Я знаю, как вскружить человеку голову. Как хлопать ресницами, правильно демонстрировать декольте и выгибаться.

Элирия, похоже, замечает, что ее болтовня меня слегка утомила, и переводит взгляд на мою камеристку.

– Сиф, принеси нам фиников и орехов!

Сиф смущенно проводит рукой по коротким волосам. В ее глазах на миг что-то вспыхивает, как будто она хотела возразить Элирии, заявить, что та не имеет права ею командовать. Но вместо этого она лишь еле заметно сжимает кулаки.

– Да, Элирия.

Я надеюсь, что Элирия продолжит говорить о том, чего же хочет принц. Но она целиком переключилась на Сиф, и уголки ее губ растягиваются в приторную ухмылку.

– Вообще никакого стыда, – вкрадчиво произносит она и откидывается на спинку кресла, будто ожидая грандиозного представления королевского шута. – Крутишься здесь, как вшивая собачонка. Только и ждешь какого-нибудь приказа, неважно от кого. Продолжай унижаться и дальше.

Сиф вздрагивает, и во мне закипает гнев. Да, ее покорность иногда трудно переносить. Но неправильно бить того, кто уже лежит на земле.

– Что, нечего сказать? – Элирия кривит губы в подобии улыбки.

Сиф опускает глаза. Ей остается, будучи когда-то частью двора искусств, либо терпеть насмешки и оскорбления Элирии и выполнять ее приказы, или же отказаться подчиняться и тем самым навлечь на себя ее гнев. Правильного решения нет. Не поднимая глаз, Сиф порыывается пару раз что-то сказать, но с ее губ не слетает ни слова.

Мой взгляд мечется между Сиф и Элирией. Мне хочется узнать больше о принце, но я не могу молча смотреть, как издеваются над моей камеристкой.

– Я тоже хочу фиников и орехов, Сиф, – прошу я и при этом смотрю на Элирию.

Та сдержанно улыбается, но в ее глазах бушует яростное пламя. Я сорвала ее игру. И если я отдам такой же приказ своей камеристке, не будет ничего постыдного в том, что она его выполнит.

Улыбаюсь Элирии в ответ такой же притворной улыбкой:

– Не хочешь продолжить рисовать, пока человеческая девушка не рассыпалась в прах?

Сиф, довольно улыбаясь, спешит за дверь, а я игнорирую веселое шушуканье куртизанок. Элирия бросает на них свирепый взгляд, пока они не умолкают. Она снова поворачивается ко мне и продолжает рисовать как ни в чем не бывало. Больше я ничего от нее не узнаю.

Неван

Казалось, обед будет длиться бесконечно. Но вот наконец слуги приносят десерт, и глаза принцессы загораются при одном взгляде на изящные ледяные кристаллы. Она приложила немало усилий, чтобы возненавидеть наши блюда. Но все же не в силах скрыть, как ей не терпится почувствовать на языке таяние льдинок, смешанных с жаром ликера и сладостью вишневого сиропа. Волшебный ансамбль вкуса.

Она хватается серебряную ложку, но прежде, чем успевает приступить к десерту, я оказываюсь рядом с изящной серебряной чашей.

– Вы позволите? – спрашиваю я тем мягким, соблазнительным тоном, от которого Роуэн закатывает глаза. Он ненавидит, что таким образом мне всегда удается обвести вокруг пальца любого, будь то феяри, человек или гoblin.

Девушка только скептически кивает, буравя меня взглядом. Ожидает очередного подношения. Но я уже понял. Она может высоко оценить красивые украшения и искусно сшитые платья, но они ее не трогают. Как только поднимаю крышку с чаши, глаза девушки начинают светиться, как расплавленный янтарь. Она уже собирается схватить чашу, когда я посыпаю ледяную крошку засахаренными цветами лаванды. Принцесса замерла, словно околдованная. Но не шелками и драгоценностями, а едой. Для принцессы предпочтения у нее довольно плебейские.

С непроницаемым лицом жду, пока она пробует первую ложечку.

– Клянусь Мерданой, это просто божественно! – восклицает она и блаженно закатывает глаза.

Роуэн, кажется, хочет что-то сказать, но слова застревают у него в горле, когда я присаживаюсь на стул подле нее.

– Вам нравится? – спрашиваю я нежным голосом.

Принцесса резко сужает глаза.

– Вы разве не можете читать мои мысли? – спрашивает она слегка встревоженным тоном, как будто только сейчас об этом подумала. Интересно, какие мысли она пытается скрывать?

Фыркаю, качая головой.

– Значит, в человеческом королевстве по-прежнему гуляют такие слухи? У нас очень обостренное мышление, это верно, и оно помогает нам улавливать мельчайшие эмоции. Но я понимаю, что для людей, с их примитивной натурой это настоящее чтение мыслей.

Некоторое время она смотрит мне в глаза, пытаюсь понять, не обманываю ли я. А затем указывает ложкой на миску с десертом:

– Не знаю, какую магию вы применили для этой лаванды, но она хороша. Очень хороша!

И она продолжает есть. Я еще никогда не видел, чтобы кто-то так наслаждался едой, не забывая при этом о манерах. Тот, кто утверждал, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, просто не видел эту девчонку. Я чувствую, как невидимый щит из недоверия и высокомерия, который она воздвигла вокруг себя, постепенно ослабевает. Если бы мог, я бы просто трепетал при одном взгляде на нее, но мое замерзшее сердце делает мирские наслаждения недоступными для меня.

– Я бы хотел, чтобы вы сопровождали меня на банкет по случаю моего дня рождения.

– Будут ли там феири, желающие праздновать с вами?

Игнорирую плохо скрываемую колкость.

– Конечно. Феири и другие существа, населяющие зимнее королевство. Надеюсь, вы убедитесь, что я больше чем бессердечный тиран. К тому же это хорошая возможность познакомиться поближе с моими подданными. – Встаю со стула и чуть отхожу от нее, прежде чем она спросит еще что-нибудь.

Роуэн вскакивает со своего места, чтобы последовать за мной, и растерянная Верис остается одна в столовой.

– Ты разве не должен был остаться с ней? – бросаю я, не оборачиваясь. – Ведь у тебя особый талант к общению с дамами.

В коридоре он наконец меня догоняет и торопливым шагом идет рядом.

– Не думаю, что это было бы уместно, поскольку... вы ухаживаете за принцессой.

– Пусть она полюбит мое богатство и мою власть, – отмахиваюсь я. – А ее постель может согреть и кто-то другой. Если это будешь ты, я хотя бы буду уверен, что она не попросит этого от меня.

Роуэн умолкает. Он, конечно, знает, что женщины меня не интересуют. И дело даже не в том, что мое сердце, вместе с чувствами и желаниями, находится в ледяных когтях. Но он точно не ожидал такого безразличия с моей стороны к тому, чтобы делить с кем-то одну женщину. Роуэн делает глубокий вдох и осторожно берет меня за руку, что очень рискованно.

– Вы уверены, что это правильно?

Поднимаю руку, и Роуэн медленно, но неотвратимо начинает превращаться в ледяную статую. Он не может пошевелиться, и магия постепенно подбирается все ближе и ближе к его сердцу, которое колотится быстрее с каждой секундой, посылая кровь по холодным жилам.

– Не смей подвергать сомнению мои решения. Помни, кто я и как ты должен себя вести.

Опускаю руку, и Роуэн оттаивает, снова став подвижным.

– Прошу прощения, мой принц, – с этими словами он низко кланяется.

Мы давно уже не дети, и прошли те дни, когда он бил меня по лбу при каждом удобном случае. Дальше по коридору я иду один, а Роуэн остается далеко позади. Но все же воспоминания о нашем детстве давят мне на сердце тяжелым свинцом. И в этот момент я рад, что оно твердо, как алмаз.

Пятнадцатое января

Верис

В день банкета Сиф будит меня и показывает мне новое платье, небесную синеву которого можно скорее назвать морозной.

Громко стону и откидываю одеяло.

– Он приказал нарядить меня, чтобы я как можно больше походила на фейри?

– Не думаю, что он хочет этого. – Сиф направляется в ванную.

– Значит, можно надеть нежно-зеленое платье? – кричу ей.

Я думала, что мой вопрос останется без ответа, но голова Сиф показывается в дверном проеме.

– Я бы предпочла, чтобы вы этого не делали, – бросает она, и я не могу сдержать смешок.

Сиф готовит горячую ванну с медом и молоком, и мне жаль, что я не могу нежиться в этой ароматной воде вечно. Но Сиф слишком быстро выгоняет меня из ванны, укутывает в халат и создает из моих волос настоящее произведение искусства. Дальше требуется немало времени, чтобы переодеться. Кошмар из пышной нижней юбки, бахромы, рюш и кружев, нагромождающих шелковое платье. И поверх всего этого Сиф закрепила роскошное манто, шлейф которого то и дело норовит меня поглотить.

Присвистываю, когда мы заканчиваем, и все время дергаю ворот нижнего платья, чтобы немного больше прикрыть свое декольте.

– Не слишком ли шикарно для банкета, на котором я всего лишь скромный гость? А то можно подумать, день рождения у меня.

– Если вдруг вы еще не заметили, наш принц всегда преувеличивает, когда дело касается одежды, – на ее губах играет усмешка.

Касаюсь указательным пальцем ее ключицы:

– Что-то изменилось. Ты сегодня другая.

Сиф тут же краснеет.

– Даже не знаю... Что во мне может поменяться?

– Ты шутишь о принце.

Она надевает мне на голову изящный головной убор с павлиньими перьями, надавливая чуть сильнее, чем нужно. Нет, мне определенно больше идут диадемы.

– Я бы никогда не стала шутить над принцем.

Чуть наклоняю голову.

– Ты влюблена?

Сиф ловким движением снимает убор с моей головы и начинает заикаться:

– Я не-не... У меня ни-никого нет. Я не влюблена!

– Твое заикание говорит о другом, дорогая, – пожимаю плечами.

Подобрав мне другой головной убор и закрепив его в волосах, Сиф упирает руки в бока.

– Нет, я не влюблена. Просто... Возможно, я до сих пор под впечатлением от того, как вы вывели Элирию из себя.

– Сочту это за комплимент, – ухмыляюсь в ответ. – Может, в следующий раз ты и сама дашь ей отпор.

Она так яростно мотает головой, что кажется, та вот-вот отвалится.

– Никогда в жизни! Она принадлежит ко двору искусств, а я всего лишь прислуга.

– Но ведь это не на всю жизнь, если я правильно помню, и все в твоих руках. Но если ты будешь продолжать себя так вести, то никогда не вернешься ко двору искусств.

Она тут же опускает глаза, и я хмурюсь. Снова сказала, не подумав.

Но я не успеваю подобрать другие слова и смягчить свою резкость, потому что Сиф подталкивает меня к двери:

– Нам следует поторопиться, если хотим прибыть вовремя.

Гипсофилы и светский прием

Верис

Сиф ведет меня в тронный зал. Подозреваю, что у принца их тоже несколько. И, как и столовая, он полностью состоит из льда и стекла. Но если в обеденном зале преобладают жесткие и даже грубые формы, здесь все напоминает хрупкое произведение искусства. Принц сидит в конце круглого зала на огромном ледяном троне, высеченная спинка которого похожа на роскошные шпиль собора. Позади возвышается огромная бледно-голубая ледяная плита, отливающая серебром. Единственная мебель в зале – длинные обеденные столы, представляющие собой гигантские ледяные плиты с зазубренными краями. Словно великан сломал лед замерзшего озера своими пальцами. Из уважения к принцу за столами никто не сидит, и феи общаются, перемещаясь между элегантными ледяными обелисками, которые тянутся почти до зеркально гладкого сводчатого потолка.

– Я правильно понимаю, что длинные ледяные кристаллы кое-что компенсируют? – заговорщически шепчу я Сиф.

Она бормочет что-то неразборчивое, но позади меня вдруг раздается звонкий смех, который может принадлежать только Элирии. Она проталкивается ко мне, оставляя далеко позади сопровождавших ее куризанок. Сиф хочет оставить нас, но я крепко сжимаю ее руку.

Тут я поспешно поворачиваюсь к Элирии, потому что она обращается ко мне:

– Плевать, что о тебе говорят другие. Для меня счастье, что ты здесь.

Я хмурю лоб, пока Элирия ведет нас к длинной очереди, где толпятся феи, пришедшие отдать принцу дань уважения:

– А что говорят обо мне?

Элирия перебрасывает через плечо свои рыжевато-русые волосы, в которые вплетены гипсофилы.

– Да ничего особенного, обычные придворные сплетни. Что ты невероятно уродливый отпрыск человека и тролля, змея в человеческом обличье. И еще самая избалованная принцесса, которая только может быть в человеческом королевстве. Ты же знаешь эти разговоры. Народ у вас в королевстве наверняка болтает то же самое.

Я качаю головой:

– Никто никогда не говорил обо мне ничего подобного.

Элирия ухмыляется:

– Может быть, ты просто не слышала.

– А может, я просто симпатичнее вашего принца.

Я не слышу, что отвечает Элирия, потому что до ушей вдруг доносятся неизвестные мне звуки. Сладчайшая музыка мгновенно пленяет меня. Хочу увидеть инструменты, которые могут играть такую мелодию, но мой взгляд падает на троих неведомых существ, только что вошедших в тронный зал. Оказывается, это их голоса. Эти эфирные создания высокие и худые, даже выше принца. И они с невероятной элегантностью двигают в воздухе своими конечностями цвета слоновой кости, больше похожими на кости. Руки с тонкой как пергамент кожей закачиваются острыми когтями, которые вспыхивают, как хорошо начищенные косы. Хватаю за руку Сиф. Я ожидала увидеть здесь волков и гоблинов, великанов и прочих жутких тварей. Но только не этих существ. Одно их присутствие заставляет меня сомневаться в собственном разуме. По идее, я должна бы ужаснуться их костлявой внешности, но чувствую только восхищение.

Сиф наклоняется ко мне:

– Не волнуйся, яры – миролюбивые создания. Они пишут хроники зимнего королевства, потому что совершенно беспристрастны. А еще они слышат зов богов. Энцекиаль, та, что в центре, обычно представляет всех яров, хотя у них и нет иерархии власти.

Смотрю на ее когти, обвитые множеством слоев струящейся ткани. Как им удастся не порвать одежду во время движений? И тут я встречаюсь взглядом с черными, хищными глазами Энцекиаль. Ее бесконечно мудрый и чистый взгляд завораживает. И я улыбаюсь ей. Пожалуй, это моя самая сдержанная улыбка, но мне не хотелось бы ее обидеть. Я прекрасно понимаю, что у каждого народа свои обычаи и правила этикета. И какие они у яров, даже не представляю.

Но, кажется, все в порядке. Энцекиаль хоть и не улыбается в ответ, но почтительно склоняет голову в знак приветствия. Зачарованно наблюдаю, как шумят тонкие жемчужные ожерелья на ее изогнутых рогах, которые растут прямо из висков. Затем она с другими ярами присоединяется к группе фейри, и теперь я вижу только ее затылок с перламутровыми волосами.

Шаг за шагом мы продвигаемся вперед, а тронный зал постепенно заполняется. Попадают и другие создания, о которых я даже никогда не слышала. Например, двурогие существа с огромными глазами и пышными бедрами, переходящими в копыта. Создается впечатление, что они постоянно шутят, потому что не проходит и секунды, чтобы кто-то из них не рассмеялся приятным раскатистым смехом. Или вполне обычная рысь, которая вежливо спрашивается у Элирии о ее здоровье. А еще нечто, закрытое с головы до ног и источающее запах ладана и тайн. Все терпеливо ждут своей очереди поприветствовать и поздравить принца.

Сиф пытается рассказать мне обо всех присутствующих, но я так занята их разглядыванием, что не могу вымолвить и слова. Фейри же, наоборот, совсем не обращают на меня внимания, хотя я спиной чувствую их взгляды. Они меня ненавидят.

Поворачиваюсь к Сиф.

– Неужели все фейри так плохо обо мне думают? – не могу оставаться спокойной, когда обо мне говорят такое. Хотя мне же должно быть все равно.

Сиф приглаживает свои стриженные волосы, и ее светлые ресницы трепещут.

– Ну, по крайней мере, слуги об этом говорят. Впрочем, я бы не сказала, что и вы испытываете особую симпатию.

– Я же ничего плохого не сделала.

– Но вы чужая. И поэтому вам не очень-то доверяют.

При этих словах один из гостей вздрагивает. Это огромный медведь, но при этом взгляд и морда у него вполне человеческие. На него тоже смотрят косо. Видно, не меня одну тут считают незванным гостем.

Цокаю языком, наклоняясь ближе к Сиф:

– Думаю, стоит напомнить им, что это принц требует жертвы. Мы не по своей воле переступаем границы вашего королевства.

– У принца просто нет другого выбора, иначе он...

– Сиф! – шикает на нее Элирия. Впервые с момента нашего знакомства в ее голосе не звучат кокетливые нотки. Яры тоже бросают неодобрительные взгляды.

Сердце колотится где-то в горле. Сиф чуть не выдала секрет принца, но сейчас поджимает губы под враждебным взглядом Элирии. Придушила бы эту Элирию!

Смотрю на принца. Он сидит на своем троне неподвижно и прямо, словно слившись со льдом. Поверх его белоснежной шелковой рубашки наброшен жилет длиной до колен, который так плотно расшит серебряными нитями, что напоминает броню. Жесткий воротник упирается ему в челюсть, делая черты лица еще более надменными. Сейчас его голову украшает не та привычная корона из омеловых веток и лунных камней, а необыкновенное переплетение зубчатых серебряных нитей с ограненным алмазом прямо на линии волос. А изящные серебряные и угольно-черные линии вокруг его глаз придают его взгляду сходство с хищной птицей.

Вот он, принц зимы, которого боится весь Аурум.

Слишком поздно я понимаю, что он заметил, как я его разглядываю. Но, как ни пытаюсь отвести взгляд, ничего не выходит. Его глаза, кажется, смотрят прямо мне в душу, добираются до самых потаенных, самых темных уголков моего сердца. Он смотрит на меня так, будто в мире остались только мы вдвоем. Как будто для него существую только я.

Сердце пропускает удар, а затем начинает биться с удвоенной силой. И дело не только в страхе, который заставляет мои нервы звенеть. Но и в предательском жаре, охватившем мое тело. То, как он смотрит на меня...

Сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони, и чары рассеиваются. Наконец опускаю взгляд. Сиф, кажется, что-то говорит, но я почти не различаю ее слов.

– Твоя очередь.

Не могу унять сердцебиение. Что на меня нашло? Почему я так на него отреагировала? Нет, не я, а мое тело. Я уже кокетничала с мужчинами раньше и замечала, как они на меня смотрели, даже наслаждалась этим, хотя таким вещам никогда не было места в моей жизни. Тогда мои щеки краснели, внутри разливалось приятное тепло. Но сейчас все совсем не так, потому что мной овладело неизведанное чувство, которое до сих пор вибрирует в кончиках пальцев. Ощущаю себя предательницей.

– Верис! – Элирия сильно хлопает меня по плечу. Я вскрикиваю и потираю ушибленное место.

– Ай! Ты точно попала в дом искусств как куртизанка, а не как воительница?

– Подойди к нему, – шипит она в ответ.

Все в зале теперь уставились на меня. Как же хочется сбежать отсюда! Но я гордо поднимаю голову и, придерживая шлейф своего манти, шагаю к принцу. В конце концов, я не крестьянка, которая никогда не бывала на роскошных приемах. Я принцесса и была рождена для этого.

Наверное, мне следует преклонить перед ним колени, как это делали гости до меня. Но я продолжаю стоять, высоко подняв подбородок и глядя прямо перед собой.

– Примите мои сердечные поздравления с вашим...

Он понимает, почему я замешкалась.

– ...девятисотым.

На миг теряю дар речи.

– ...девятисотым днем рождения. И мою глубочайшую благодарность за приглашение на этот прекрасный банкет.

Он молча смотрит на меня, и я с легким кивком отхожу в сторону.

Неподалеку стоит Роуэн, хмуро наблюдая за гостями, и я иду к нему.

– Вы стали бы замечательной королевой. Полагаю, люди очень опечалены, что потеряли вас. Но вероятно, ваши братья и сестры будут очень рады возможности занять трон.

– Мой народ печалится о каждой девушке, которую вы так жестоко забираете, – смотрю ему прямо в глаза, чтобы он увидел мой гнев. – А братьев у меня нет. И сестер тоже.

Роуэн приподнимает бровь.

– Кто же тогда взойдет на престол после ваших родителей?

– Полагаю, что я никогда этого не узнаю, не так ли? – Горечь смешивается со сладким тоном. От одной только мысли, что у мамы больше нет и не будет детей, наследников, у меня сжимается сердце.

Но, к моему облегчению, принц поднимается с трона, и все присутствующие мгновенно затихают, отвлекая меня от горьких раздумий. Некоторое время он молчит и смотрит поверх голов своих подданных. Меня же в этот раз он будто не замечает. Наконец он поднимает руку и изящно взмахивает ею:

– Да начнется праздник!

Бузина и новые знакомства

Верис

Через сводчатый потолок над обеденными столами пробивается серебристо-голубой свет, делая лица гостей расплывчатыми. Я незаметно щиплю себя за руку под столом, чтобы убедиться, что не застряла в каком-нибудь сне.

Но довольно пышная и практически обнаженная женщина с волосами, похожими на переплетенные водоросли, которая села рядом, – настоящая. И мне с трудом удастся не смотреть на нее, особенно когда бесчисленные бронзовые цепи, ниспадающие ей до колен и прикрывающие лишь самое важное, бренчат при каждом движении. Это, пожалуй, первый раз, когда я даже словом не обменялась с моими соседями по столу. И даже еда не принесла никакого наслаждения. Но вот тарелки убраны, и я чувствую на себе ее взгляд.

– Вам, вероятно, никогда не доводилось есть рядом с обнаженной женщиной? – спрашивает она голосом, похожим на веселое журчание ручейка. Ее пальцы соблазнительно обвиваются вокруг изящного бокала. – Чувствуешь себя неловко рядом со мной, маленькая человеческая девочка?

Смотрю прямо в ее жутко огромные глаза, обрамленные рыжими ресницами, мерцающими влагой.

– Нет, что вы, мне очень приятно обедать рядом с вами.

В ответ она лишь громко смеется, будто река шумит. Затем она кладет свою стройную ногу на другую, и мой взгляд устремляется к ее пышным бедрам, на которых, кажется, растут похожие на перья волнистые водоросли.

– Да брось, не трать свое время на любезности. Я же не принцесса. И ты в моих глазах тоже никто. Как и виновник торжества. Я из племени Куаран. И для нас ваши титулы ничего не значат. – Она прищуривается, и ее темные глаза скрываются за рыжими ресницами. – Но что мы ценим больше всего – так это честность. Так что засунь эту дипломатическую ложь куда-нибудь между складок своего вычурного платья.

– Я не лгала. Ваше общество было мне очень приятно. Пока вы не начали называть меня лгуньей.

Она фыркает и вертит свой бокал, при этом умудряясь не пролить ни капли его густого содержимого.

– Кстати, – вызываяще поднимаю подбородок, глядя на нее, – однажды я уже сидела за стол с принцем в очень похожем на ваш наряде.

Она снова издает смешок и наклоняется ближе ко мне, подпирая ладонью щеку.

– Неужели? Как необычайно интересно! – Она растягивает губы в улыбке, обнажая острые зубы. – Меня зовут Майя. Запомни это имя, но больше никому его не говори.

Никто до этого не позволил мне представиться должным образом и до конца, поэтому ограничиваюсь только самым необходимым.

– Меня зовут Верис. Думаю, мое имя здесь известно всем, так что можете смело о нем рассказывать.

Беру свой бокал, в котором плещется сладкое вино с бузиным сиропом, и потягиваю его, чтобы больше не выдавать шуток, за которые мама точно бы меня отругала.

Но Майе, видимо, хочется поговорить.

– Ну и как он, – она кивает в сторону принца, сидящего за одним столом с Роуэном, Элирией и другими фейри, – отреагировал на твое, несомненно, пленительное представление? – в ее глазах вспыхивает какое-то извращенное любопытство, когда она наблюдает, как принц игнорирует Элирию и ее попытки флирта.

– Ах, красивейшая из всех фейри... – Майя широко улыбается и, кажется, забывает о своем вопросе. – И плевать на слухи, что она наполовину человек.

Я поворачиваюсь к ней.

– Она? Разве такое вообще возможно? – спрашиваю я хриплым голосом.

Майя медленно перебирает одну из своих цепочек между пальцами.

– Конечно возможно, малышка! Прошло не так много веков с тех пор, как между странами проложили границу. Почти в каждом роду фейри есть примесь человеческой крови, потому что раньше плодовитость людей высоко ценилась. Правда, эта кровь с каждым поколением все больше ослабевает. Но Элирия? Она просто с севера.

Это насколько же далеко простирается зимнее королевство, что фейри на севере выглядят так по-другому? Для меня Элирия не слишком отличается от других фейри, но, видимо, все остальные замечают эту непохожесть.

– Ты находишь ее такой же ослепительной, – вздыхает Майя.

Я поворачиваюсь к ней, но прежде, чем успеваю открыть рот, она кладет палец мне на губы. Ее глаза сверкают:

– Невозмутимо подойди к ним сейчас, когда она отступила и оставила свои попытки. А я просто понаблюдаю за этим зрелищем. Интриги против флирта.

Я поднимаюсь, но при ее словах растерянно поворачиваюсь к ней:

– И кто из нас кто?

Майя только усмехается, и от ее пронизывающего взгляда у меня холодок пробегает по коже.

– Ты ведь и так знаешь, верно? – Она плавно встает и исчезает в толпе гостей.

Я пытаюсь не думать об этом странном разговоре и прокладываю себе путь через гостей, многие из которых тоже встали из-за столов и общаются, объединившись в небольшие группки. Я медленно продвигаюсь вперед, но не теряю Элирию из виду.

Но тут кто-то неожиданно хватается за плечо, и я спотыкаюсь. Однако прежде, чем падаю, хватка усиливается, удерживая меня на ногах и разворачивая назад.

Я смотрю прямо в лицо принца. Моя первая реакция – это желание оттолкнуть его руку, однако, убедившись, что я снова твердо стою на ногах, он сам меня отпускает, словно обжегся. Интересно, он случайно наткнулся на меня или специально искал?

– Я хочу вам кое-что показать. – Он пристально смотрит на меня и старается не прислонять к себе руку, которой только что касался меня. Как будто я что-то очень мерзкое и неприятное.

– Разве вы не должны остаться со своими гостями? Наслаждаться праздником?

– А что, похоже, что я им наслаждаюсь? – Он поднимает одну бровь и, отвернувшись от меня, направляется к двери. – Я хочу сбежать раньше, чем кто-то сможет пригласить меня на танец.

Как только мы выходим из зала, принц резко срывает с головы корону и небрежно несет ее в одной руке.

– У нас лучшая магическая кузница в империи. Так почему они не могут создать более легкую и удобную корону?

Я ничего не отвечаю, но кажется, он и не ждет ответа и дальше ведет меня по коридорам. В этой части замка я еще не была. Красивые резные ледяные стены, кажется, вздрагивают от наших шагов, и на коридоры ложатся странные тени, явно неподвластные времени суток. Складывается ощущение, что фейри здесь бывают редко. Но темнота меня не пугает. Она загадочная и при этом не источает никакой угрозы. Куда же он меня ведет?

Через некоторое время он распаивает передо мной створчатую дверь. Пока мы шагаем, я бросаю беглый взгляд на резьбу на мраморном полотне. Цепочки из незнакомых иероглифов

закручиваются вокруг строгих лиц с закрытыми глазами. Кажется, будто они о чем-то задумались.

Войдя в круглую комнату, я впервые за все время пребывания в замке зимы вижу хоть что-то из дерева. Высокие книжные шкафы из красного дерева насыщенных темных оттенков ряд за рядом тянутся до самого потолочного купола, через который проникает лунный свет. Изящная круглая лестница прижимается к стенам с полками, периодически прерываясь галереями, на которых установлены другие, подвижные лестницы, чтобы можно было добраться до любого ряда с книгами.

– Я догадывалась, что у вас есть изощренный план, как от меня избавиться. Но похоронить под гигантским книжным шкафом? Не очень-то элегантно.

Хотя при взгляде на эти книги, на деревянные полки, чувствуя необъяснимое тепло, меня охватывает тоска по родному дому. Но вдруг кое-что еще привлекает мое внимание.

В центре комнаты парит стеклянный шар, намного больше меня, больше принца. Интересно, он из стекла или из льда? Он висит в воздухе над тонким кронштейном в виде корявой ветки.

– Я не собираюсь от вас избавляться. Мы проехали через половину Ригоса, чтобы забрать подношение Аурума, так что я позабочусь о вас.

Бросаю на него беглый взгляд, но по выражению его лица трудно понять, что он имел в виду. Ни к чему забивать себе этим голову. Делаю шаг к полупрозрачной сфере передо мной и кладу руку на ее поверхность. Ладонь обжигает странной смесью ледяного холода и магического тепла. Приятные ощущения. Я рассматриваю узор из прорезанных бороздок во льду, которые разделяют шар на большие и маленькие области. Рисунок составляют мягко изогнутые линии и вкрапления зазубренного кружева.

В удивлении поворачиваюсь к принцу:

– Это ведь земной шар?

Он встает рядом со мной и кивает.

– Это просто прекрасно, – выдыхаю я и слегка подталкиваю шар, так что он начинает неторопливо вращаться, при этом не падая. – Кто же его сотворил?

На его губах появляется крошечная улыбка.

– Я.

Мое сердце на мгновение замирает. Не думала, что он умеет так искренне улыбаться.

– Важной частью нашей культуры является создание магических артефактов. Этот я создал во время обряда посвящения, чтобы доказать свои способности в магии. – Его мягкий взгляд блуждает по филигранным буквам, которые я не могу прочитать. Впрочем, можно предположить, что это названия стран. Я молчу, потому что знаю, что людям свойственно заполнять тишину. Возможно, что фейри склонны поступать точно так же. И действительно, он так погружается в свои мысли, что, похоже, забывает, кто стоит рядом с ним. – Я вдохновился работой моей бабушки. Ее шар, конечно, был более искусным... – тут он запинаясь и внимательно смотрит на меня, прищурившись.

– Иногда я жалею, что мы рождаемся теми, кем рождаемся, – бормочу я, чтобы не дать ему почувствовать, что хочу выведать у него секреты. – Вы могли бы стать выдающимся художником.

Ничто в его лице не указывает на то, радует его мой комплимент или нет. Он просто смотрит на меня изучающе.

– Я хочу предложить вам воспользоваться моей личной библиотекой. От меня не ускользнуло, что вы проявляете большой интерес к Ригосу и существам империи. Возможно, здесь вы утолите свою жажду знаний.

Неван

В этот момент ее глаза становятся такими большими и круглыми, что в них отражается макет земного шара. Должно быть, ее удивляет, что я рассказываю ей о Ригосе. О моем королевстве, моем народе. О себе. Холодное свечение магии делает ее светло-карие глаза серыми, а смуглую кожу – бледной, и так она могла бы сойти за фейри. Не особенно хорошенькую, но все же. Может, если мы будем видаться только под воздействием магии, мне станет легче выносить ее присутствие?

Но, конечно, она подозревает, что все это неспроста, и ее барьер снова восстанавливается.

– Ваша библиотека впечатляет, но я боюсь, что она не сможет утолить мою жажду знаний. Потому что больше всего меня заинтриговала ваша ледяная магия.

Я мягко качаю головой, испытывая желание фыркнуть. Она невероятна. Всегда и во всем хочет большего. Но она ошибается, если думает, что так легко заставить меня сделать это.

– Если вы боитесь, что я использую магию против вас, так и скажите. Я пойму.

С этими словами она чуть склоняет голову набок. Что это, прازдное любопытство или тонкий расчет? Довольно ребяческий трюк. Чем-то напоминает Роуэна и его постоянные замечания. Ты боишься, Неван? Не доверишь себе?

Испокон веков лед приглушает во мне все чувства, даже страх, и я не поведусь на эти провокации.

– У меня нет причин бояться вас.

Ее глаза загораются, как у ребенка.

– Тогда расскажите мне о вашей магии! Как она возникает? На что способна?

– Это серьезные вопросы, – постукиваю костяшками пальцев по корешку одной из книг. – Ответы вы найдете здесь.

– Я всегда предпочитала учиться у опытного мастера, а не по книгам. – Решила подольститься ко мне. Прекрасно. Рассудив, решаю чуть приоткрыть завесу.

– Магия есть во всем и повсюду.

Она удивленно ахает.

– И даже в людях?

Я останавливаюсь. Она слишком внимательна.

– Да, даже в людях.

Она смотрит на свои руки, как будто в любую секунду из них вырастут сосульки, и я снова качаю головой.

– Значит, я могу научиться магии? – Она ухмыляется, но эта кривая ухмылка, пожалуй, наиболее искренняя, чем любая ее улыбка до сих пор.

И честность ее эмоций сейчас настораживает. Возможно, потому что не стоит так на меня смотреть. Мне почти хочется, чтобы она снова приторно улыбалась. По крайней мере, это не напоминало бы мне о том, кто я.

– Магия есть в каждом, но это не значит, что каждый может ее вызвать.

– Но теоретически я могла бы научиться.

– Ну, сомневаюсь, что вы когда-нибудь смогли бы заморозить что-нибудь или залечить раны.

Ее ухмылка становится шире, а в выражении лица появляется намек на превосходство.

– Вряд ли можно придумать более удобный способ познакомиться с вашим королевством и вами, чем более детальное изучение древней магии фейри? С несколькими практическими уроками.

На этот раз я не сдерживаюсь и громко смеюсь. Затем наклоняюсь к ней и широким жестом обвожу стеллажи.

– Все, что вы хотите знать о нашей магии, можно найти здесь. В этих книгах.

Шестнадцатое января

Планирование ежегодной дани народа Королевскому двору – одна из задач, дающих мне определенное удовлетворение. Я забываю о времени, сидя в военной комнате над свитками и таблицами. Но сегодня мои мысли постоянно путаются. Я так долго задерживаюсь на одном письме, что это замечает даже Роуэн, который играет сам с собой в шахматы.

Он забирает белую королеву и смотрит на меня, нахмутив брови.

– Неужели мастер Арвин снова дал скудные отчеты? Я могу разыскать его и объявить выговор, – прежде чем успеваю что-то ответить, он продолжает говорить. – Может, отправить его в темницу на недельку-другую. Это должно его образумить...

Я хлопаю ладонью по столу.

– Никакой темницы. Просто я немного рассеян.

Роуэн встает и осторожно приближается ко мне.

– Вы обычно с нетерпением ждете дня планирования ежегодной дани, даже больше, чем собственного дня рождения. – Не успеваю ответить, как он сам поправляется. – Больше, чем кровавого турнира.

– Я просто отвлекся.

Он кладет обе руки на стол и пристально смотрит на меня.

– Дело в ней? В принцессе Верис?

Меня охватывает желание закинуть ему в глотку свиток пергамента, только чтобы он замолчал.

– Девушка хочет научиться магии.

Это заставляет его замолчать. На пару секунд.

– Почему бы и нет? – говорит он, пожимая плечами. Пожалуй, идея с пергаментом была не такой уж плохой.

– Что? – спрашиваю я ошеломленно.

Роуэн садится на стул и откидывается на спинку.

– Почему нет? Научите ее создавать снежинки, за что она будет бесконечно благодарна вам и, возможно, начнет больше доверять. А может быть, и привяжется.

– Учить человека ледяной магии. По-твоему, это хорошая идея? – меня бросает в дрожь при одной только мысли о том, что человеческая принцесса приблизится к древним тайнам нашей магии.

– Вы ведь не станете ее обучать вызывать снежную бурю. Исполните ее желание, покажите самое основное, заработав этим несколько очков в свою пользу. Окажите ей свое доверие, и она ответит вам тем же. Нет лучшего способа заставить девушку заговорить.

– Тебе лучше знать, – бормочу я, рассматривая бумаги перед собой. Как бы мой внутренний голос ни противился, Роуэн прав. Поэтому я решительно киваю. – Найди ей подходящего наставника.

– Мой принц, я знаю, что у вас много обязанностей и мало свободного времени, но план сработает, только если вы сами займетесь обучением Верис.

Внутри скручивается страх. Отчаянно ищу причины отказаться, но их недостаточно, и я вынужден согласиться. Одна только мысль, что мы часами будем наедине, приводит меня в ужас. Но я не идиот и понимаю, что для получения нужной информации сам должен обучать ее магии.

Настурция и магия

Семнадцатое января

Верис

Просыпаюсь от страшного шума и инстинктивно сжимаю одеяло у груди. Сердце бешено бьется. Но через несколько мгновений осознаю, что это просто кто-то стучит в дверь моей комнаты. Про себя ругаюсь, а вслух кричу с нескрываемым раздражением:

– Войдите! – кто бы ни решил довести меня до сердечного приступа. Одно знаю точно – это не Сиф. Она всегда будит меня нежно, как весенние солнечные лучи.

В комнату входит принц, и я тут же натягиваю одеяло на себя. Его я точно не ожидала увидеть. Хотя могла и догадаться по стуку. Он останавливается у моей кровати. От ослепительной белизны его легких кожаных доспехов моим глазам становится больно, и я начинаю моргать. Но он будто не замечает этого. Или же ему просто все равно.

– Накиньте что-нибудь и следуйте за мной.

Его грубость меня просто обескураживает. Он не обменялся со мной и парой слов со времени нашего разговора в библиотеке. Мне уже порядком наскучили дни, полные музыки, живописи и сплетен с куртизанками, так что я была бы даже рада хорошей словесной баталии. И вот он здесь, а я даже не одета подобающе.

– Может, сначала объясните, почему так бесцеремонно меня будите?

Принц нетерпеливо постукивает ногой по полу.

– Потому что у меня есть только час после рассвета, когда я могу обучить вас.

– Обучить магии? – сердце пропускает удар.

– Полагаю, вы уже и так умеете читать, писать, вышивать и пользоваться столовыми приборами. Не говоря уже об охоте на диких кабанов, – взгляд его чуть смягчается, потому что я не сдерживаю смеха после его замечания. – Да, я буду учить вас магии.

Тут же отбрасываю одеяло в сторону, вскакиваю с кровати и бросаюсь к шкафу. Что лучше надеть на занятия магией? А как уложить волосы? Мельком смотрю на принца и его легкую броню, которая, кажется, совсем не сковывает его движения, в отличие от жестких доспехов из вареной кожи, что носят рыцари в Ауруме. Но у меня есть только подаренные им платья.

– Будет достаточно надеть только платье, – говорит он будто в ответ на мои мысли.

Сделав выбор, хватаю мягкое льняное платье прямого покроя, но принц недовольно цокает языком.

– Возможно, стоит выбрать то, в чем вы не замерзнете в первую же минуту на открытом воздухе.

Справедливо. Может быть, мне посчастливится найти костюм для верховой езды, который будет теплым, но при этом не сковывающим движения. Запихиваю платье обратно и продолжаю рыться в поисках подходящей одежды, но безуспешно.

– Вы подарили мне десятки платьев, но ничего для верховой езды?

– Принцессе со склонностью к бегству?

Поворачиваюсь к нему с простым бархатным платьем и темно-зеленой зимней накидкой в руках.

– Однажды я найду дикого кабана и сбегу верхом на нем. Если повезет, он отдавит ваши королевские ноги.

– Это будет вершиной вашей варварской человеческой натуры.

Сухо улыбаюсь. Раньше я этого не замечала, но, кажется, у него всегда такой вид, как будто он смертельно устал от всего, неважно, что я говорю или делаю. Но при этом остроумные замечания ему не чужды. Остроумие с оттенком невозмутимости. Так что я не стану сдерживаться.

– По-вашему, мы, варвары, смотрим на даму, когда она переодевается? Или это так проявляется уважительное отношение в вашем королевстве?

– Время только не тяните. И чтобы никаких настурций и прочих штук в волосах.

– Мне все равно не идет оранжевый.

Закатив глаза, он выходит из комнаты, и я слышу, как он расхаживает по коридору взад-вперед. Пока я натягиваю теплую нижнюю юбку из жаккарда, заходит Сиф, чтобы помочь мне с корсетом и платьем. Едва могу усидеть на месте, пока она заплетает мои волосы в тугой узел на затылке, и прошу не делать лишних косичек.

Затем я набрасываю на плечи накидку и бросаюсь к двери, наполовину уверенная, что принц уже ушел. Но он стоит, прислонившись к стене, и ждет меня.

– Вы, женщины, всегда так долго собираетесь...

– Вам легко осуждать, когда ни разу не пытались зашнуровать себя в корсет. Дайте мне пару штанов и одну из ваших рубашек, и я соберусь быстрее вас, – отвечаю я, поглядывая на его заплетенные волосы. Его прическа определенно заняла больше времени, чем моя.

Он отталкивается от стены, жестом предлагая мне следовать за ним.

– Я живу на свете уже не одно столетие. И вы себе не представляете, во скольких причудах мне довелось принять участие.

Воздух становится все свежее, и я глубоко дышу. Я так давно не была на улице, что каждый шаг становится легче предыдущего. Через смежные коридоры мы выходим на большой внутренний двор. Вместо привычного для замка мрамора пол здесь земляной, а по многочисленным следам можно предположить, что это место для тренировок. Сам двор разделен на огороженные зоны для каждой дисциплины. В одной стоят манекены, металлические и деревянные поверхности которых покрыты царапинами и вмятинами. Значит, феиры используют в бою не только магию, но и оружие.

До сих пор не верится, что принц будет меня обучать. И я буду следить за каждым его движением, как самая прилежная ученица.

Он подходит к одному из манекенов.

– Ледяную магию можно использовать для трех целей. Созидание, изменение, разрушение.

Ничего себе, как быстро мы начали «урок». От неожиданности даже спотыкаюсь.

– Изменение – самое простое. Потому что вы работаете с тем, что уже существует.

– Звучит как детская игра.

Он строго смотрит на меня, и я мысленно ругаю себя за несдержанность. Некоторое время он молчит, а затем кладет руку на доспех манекена, и тонкий слой льда начинает таять под ладонью, пока не обнажается весь металл.

– Это одно из самых легких упражнений. Попробуйте сами.

Подхожу к другому манекену и кладу руку на замороженный металл, как это делал принц. Ладонь покалывает от холода, но я все равно ее не убираю.

– Разве я не должна сказать какие-то волшебные слова? Или заклинание?

Он хмурится.

– Это магия, а не колдовство.

Стало, конечно, намного понятнее.

– А в чем разница?

– В колдовстве используются заклинания.

– Спасибо за пояснение, – бубню я и снова поворачиваюсь к манекену. – И что мне нужно делать?

Принц обходит манекен так, чтобы видеть мое лицо.

– Сконцентрируйтесь на том, чтобы растопить лед.

Жду дальнейших указаний, но он молчит. Видимо, это все, что требуется.

– Что ж, теперь я понимаю, почему вы стали принцем, а не учителем, – хмыкаю я и сосредотачиваюсь на слое льда.

Это не так сложно, если не учитывать, что моя ладонь примерзла к металлу. Игнорируя боль, целую вечность смотрю на лед, и меня совсем не удивляет, что ничего не происходит.

– Это точно так работает?

Он пожимает плечами.

– Я учился управлять своей магией именно так.

– Рука очень болит. Холодно.

– Вы запросто бросаетесь в бурлящую ледяную реку, но сейчас вам внезапно стало очень холодно?

Худший наставник. Просто отвратительный. Но подождите-ка, как он только что сказал? Резко поворачиваю к нему голову.

– Значит, вы учились управлять своей магией именно так?

Он смотрит на меня как на умственно отсталую:

– Какой талант к запоминанию фраз.

– Получается, на тот момент вы уже использовали магию?

Его взгляд проясняется.

– Да. Магический дар у большинства из нас проявляется с детства. Как правило, это просто неконтролируемые вспышки.

– Может, дело в... – я резко умолкаю, потому что очень неосторожно дернулась, и моя рука, вернее, все, кроме верхнего слоя кожи, едва не отрывается от холодной поверхности. – Можете освободить мою руку?

Он делает едва заметное движение кистью, даже не поднимая руки, и я свободна. Смотрю на него с завистью. Ему нужно лишь чуть шевельнуть пальцем в перчатке, чтобы сотворить магию.

– Вы были с самого рождения окружены ледяной магией, а я – придворным этикетом. И, если бы я выросла в крестьянском доме и потом начала учиться хорошим манерам, это было бы намного сложнее.

Он молчит и долго смотрит на меня. Сейчас в его взгляде горит то же напряжение, что и тогда, на банкете. Отворачиваюсь, чувствуя, как тепло распространяется по щекам. Мне нельзя отвлекаться.

Тяну руку к обледенелому доспеху, но принц откашливается в кулак:

– Хватит на сегодня. Мы продолжим тренировки через два дня. А пока я подумаю, как лучше организовать наши занятия. Возможно, нам стоит практиковаться через день по утрам, – не попрощавшись, он шествует через тренировочную площадку и оставляет меня одну.

Девятнадцатое января

Не могу дождаться, когда же эти два дня наконец пройдут. Часть меня заинтригована возможностью научиться магии. Другая же часть благодарна, что мне теперь не придется целыми днями торчать в салоне Элирии. На тренировочной площадке я впервые за долгое время почувствовала себя живой.

Я сижу на краю кровати, одетая и причесанная, в предвкушении нового занятия, когда входит Сиф.

– С такой прической я вас отсюда не выпущу, – стонет она и тотчас вынимает мои заколки. Я, впрочем, не возражаю, потому что мой неумелый узел уже вызывает головную боль. И, пока Сиф заплетает мне волосы, я болтаю без умолку. Она почти говорит, потому что я не даю ей вставить и слова.

– Майя не притронулась к еде, но вино выпила, – вслух размышляю я. – Интересно, чем они питаются?

– Какая Майя? – Сиф не заметила, как я переключилась на другую тему.

– Она из племени Куаран. Мы сидели за одним столом на банкете.

Сиф округляет глаза:

– Вы знаете, как ее зовут?

– Да, мы представились, и она назвала мне свое имя.

– Добровольно? – Сиф хватается за сердце.

– Ножом я ей не угрожала, если ты этого боишься. Что тебя так взбудоражило?

– Их имена обладают магической силой, – поясняет Сиф. – Они получают их во время древнего ритуала, и каждый, кто знает их имя, может воспользоваться магией Куаран.

– Но зачем тогда выдавать мне свое имя? Наверное, она солгала.

– Она не стала бы об этом лгать.

– «Майя» звучит ужасно обычно для магического имени.

Но на всякий случай я, пожалуй, больше никому не буду раскрывать его.

В дверь громко стучат. Это точно принц. Тут же бросаюсь мимо Сиф и открываю.

– Доброе утро! Славный сегодня день!

Сиф и принц скептически смотрят в окно, за которым на фоне серого неба клубится туман. Протискиваюсь мимо принца и вприпрыжку иду по коридору.

– Ну что, вы придумали, как нам лучше тренироваться?

– Конечно, – отвечает он слегка раздраженно, когда догоняет меня, словно иного итога даже быть не могло.

На тренировочной площадке мы снова подходим к манекенам, принц указывает мне положить руку на металл, и я без возражений подчиняюсь. Какой-то гул проходит по моему телу. Что-то более будоражащее, более сильное, чем предвкушение.

– Вы должны развить в себе чувство магии. Должны научиться чувствовать ее вокруг. – Он подходит ближе, и иней хрустит под его безупречно-белыми сапогами. – Закройте глаза и попытайтесь почувствовать магию, пока я растапливаю лед под вашей рукой.

Снова выполняю приказ. Из-за того, что мои глаза закрыты, ощущение холода только усилилось. Я уже готовлюсь почувствовать, как магия плавит лед под моей ладонью, но вместо этого чувствую, что греется ее тыльная сторона.

Принц кладет свою руку на мою. Не мягко, не грубо, но я все равно инстинктивно пытаюсь выдернуть ее. Принц смыкает пальцы вокруг моей руки, удерживая ее на месте. Не могу не открыть глаза. Вижу, что его рука облачена в изящную белую перчатку, и у меня камень падает с сердца. Мы не касаемся друг друга. То есть касаемся, но не совсем. Отвожу взгляд в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.